

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

В. В. СТРУВЕ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА СУМЕРА ЭПОХИ III ДИНАСТИИ УРА

I

На рубеже двадцатых и тридцатых годов нынешнего века вопрос об общественном строе стран восточного Средиземноморья стал центральным для советских историков Древнего Востока. Бесспорным достижением исследовательской работы последних было опровержение концепции о самостоятельном азиатском способе производства и близкой ей теории о вечном феодализме на востоке и утверждение положения о наличии рабовладельческого строя в ведущих рабовладельческих обществах. Вместе с тем предстоит еще длительная и трудоемкая исследовательская работа по определению удельного веса эксплуатации сельских общин в названных обществах.

Для успешного решения этой задачи необходимы исследования, посвященные определению производственных отношений не только каждого древневосточного общества в отдельности, но и каждой эпохи в истории развития последнего. Лишь посвятив себя специальному исследованию какой-нибудь точно датированной и локализуемой группы источников по истории и хозяйству древнего Востока, историк сможет избежать опасности создания социологической схемы вместо точного определения действительного общественного строя, преобладающего в тот или другой период истории Вавилонии, Египта и Малой Азии. Изучение же конкретного исторического материала на основе марксистско-ленинской методологии предохранит исследователя от порочности ползучего эмпиризма.

Пожалуй, важнейшей из всех известных групп источников по изучению производственных отношений общества южного Междуречья являются многочисленные документы хозяйственной отчетности, дошедшие до нас из архивов городов Лагаша и Уммы (Джохи) и пригорода священного Нишпура, расположенного на месте современного Дрехема. Значение этих документов для историка обусловлено особенно тем, что они датируются с максимальной точностью годами правления четырех царей III династии Ура: последними двадцатью годами Шульги, девятью годами Пурсина, девятью годами Гимильсина и первыми двумя годами Ибисина. Сравнительная краткость охватываемого ими периода — примерно сорок лет — является также весьма существенным моментом для историка, поскольку тысячи изданных таблечек из архивов Лагаша, Уммы и Дрехема не рассылаются между

сотнями лет, а распределяются между немногими десятками лет, насыщая наше знание последних обильными конкретными фактами. В особенности ценный и обильный материал подарили нам архивы первых двух городов, Уммы и Лагаша. Материал замечателен своим многообразием, отражающим различные стороны какого-то громадного хозяйства, включающего и земледелие, и ремесленное производство.

Для решения вопроса о производственных отношениях общества Сумера III династии Ура мною были использованы уже в исследовании 1933 г. документы хозяйственной отчетности из архива Уммы, свидетельствующие об организации труда в этом большом хозяйстве, которое было расположено и в городе, и на территории, примыкавшей к городу. В моем распоряжении имелось большое количество сравнительно небольших клинописных таблечек, в которых отмечалось направление некоторого количества работников или работниц под руководством надзирателя на одну или несколько трудовых операций, связанных так или иначе с сельским хозяйством. Срок операции определяется в этих документах иной раз рядом дней, изредка даже месяцами, но чаще всего одним днем — столько-то работников или работниц на 1 день. Последняя формула этих небольших документов, которые я назвал первичными, была раскрыта в своей подлинной сущности с помощью тех больших сводок надзирателей о труде их работников на продолжительный срок, которые были составлены на основании данных первичных документов. В сводках, изданных Чиера в СТА, Женульком в ТЭО, Шнейдером в ДДУ мы имеем на первом месте указание на то или другое количество работников или работниц, трудящихся обычно 360 или 390 дней (т. е. год), а затем указанное количество работников заменяется числом работников, полученным из умножения первоначального количества их на 360 или 390 дней, трудящихся 1 день. Из этого факта я сделал вывод, что сумерийские счетоводы знали понятие человекодня и что формула „столько-то работников, или работниц на 1 день“ первичных документов означает не реальное число работников, трудившихся 1 день, а число выработанных человекодней. Другой, и самый основной, вывод, который я сделал из сводок надзирателей, было установление того, что эти работники, трудившиеся круглый год, были оторваны от средств производства. Поскольку же они отличались от наемных людей, перечисляемых в некоторых сводках, то, следовательно, положение этих работников, трудившихся круглый год, было тождественным положению рабов.

Вышеуказанные издатели сводок надзирателей партий работников эпохи III династии Ура не сделали из опубликованных ими текстов по существу никаких выводов, интересных для истории сумерийского общества конца III тысячелетия до н. э. Они фактически ограничивались автографией изучаемых ими текстов без какого-либо обстоятельного исторического комментария. Действительно, американский ассириолог Э. Чиера снабдил свое издание СТА, содержащее 36 текстов из Лагаша, Джохи (Уммы) и Дрехема, переводом лишь 8 текстов, указателем личных имен и весьма суммарным описанием опубликованных текстов. Интересующие нас две сводки надзирателя Лудингира (№№ 2 и 5 издания) от 2-го и 4-го гг. Пурсина им оставлены без перевода. По отношению к ним он ограничился в суммарном описании лишь следующей характеристикой их содержания: „вычисление заработной платы, выданной работницам“.¹

¹ Издатель настолько мало интересовался текстами, что не заметил тождественности имени надзирателя и в том и в другом документе.

С точки зрения Чиера, следовательно, эти женщины, работавшие круглый год, являлись поденщицами, поскольку они получали заработную плату. В оправдание американского ученого можно указать на то, что в изданных им сводках о труде работников (гим — „рабыня“, согласно интерпретации идеограммы — „женщина чужеземной страны“) нет упоминания о женщинах-наймитках, отличающихся от прочих работников. Подобного оправдания не имел французский сумеролог Женульяк, когда он в своем кратком, суммарном резюме содержания двух больших, чудесно им автографированных, сводках надзирателя Лугальгудэ (№ 5675) и надзирателя Урнинсу (№ 5676) не отделил среди рабочей силы работников, получавших лишь довольствие, от наемных работников, которые получали, кроме того, заработную плату.¹ Своим резюме Женульяк, к сожалению, дезориентировал советского историка древнего мира акад. А. И. Тюменева.² Неточность интерпретации сумерийских документов со стороны талантливого ученика основоположника сумерологии Тюрю-Данжена была обусловлена, конечно, отсутствием подлинного интереса к вопросам социально-экономического характера. Поэтому Женульяк и смог ограничиться одним лишь суммарным резюме³ пятидесяти важнейших текстов в ТЭО. Никаких выводов не сделал и профессор Люксембургской католической семинарии Н. Шнейдер из изданных им в ДДУ двух сводок надзирателей партий работников (№ 85 и № 250), а ограничился только тем, что снабдил это издание, как и прочие свои публикации, указателями различных групп терминов, встречающихся в автографированных им клинописных таблетках. Термины оставлены им без перевода, а социально-экономические термины, как более интересные для историка, включены автором в такой всеобъемлющий раздел указателя, как „названия профессий и другие обозначения управления“. Мы находим здесь, наряду с терминами „работник“, „пахарь“, „работница“, „носильщик“, „поденщик“ и т. д., такие обороты речи, как „из них“, „произведение расчета“, „он получил“, „он положил“ и т. д. Мы встречаем даже в этом разделе такую грубую ошибку, как смешение идеограммы для „овощи“ с идеограммой для „отряда работников“.

II

Мой вывод о положении работников в сводках надзирателей, дошедших из архивов больших хозяйств городов Уммы и Лагаши, зафиксирован по существу в двух моих исследованиях.⁴ В советской историографии мой вывод встретил возражения со стороны академика Н. М. Никольского⁵ и отчасти академика А. И. Тюменева.⁶ Критика указала на следующие моменты.

1) Мой вывод базируется в основном на одном лишь документе, а именно на табличке из Уммы (Гишху) от 4-го г. Пурсина, сводке надзирателя Лугальгудэ, — ТЭО, № 5675.

2) Основная рабочая сила, предоставленная надзирателю Лугальгудэ, — 24 пахаря, работавшие непревратно весь год (с тринадцатым вставным

¹ Баб., т. VIII (1924), стр. 44—45.

² ВДИ, 1946, № 2, стр. 19—20.

³ Баб., т. VIII, стр. 41 и сл.

⁴ Сб., посвящ. С. Ф. Ольденбургу, 1933, стр. 495, сл. и ПИДО, 1934, № 7, стр. 211 сл.

⁵ ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 207—210, и ВДИ, 1941, № 1, стр. 53—56.

⁶ ВДИ, 1946, № 2, стр. 18—20.

месяцем) и выработавшие 9360 человекодней ($24 \times 13 \times 30$), — были объявлены не 24 постоянными, конкретными работниками, а 24 меняющимися работниками, которые в данном определенном числе предоставлялись одной из сельских общин надзирателю Лугальгудэ. В целях сравнения сводки надзирателя Лугальгудэ были привлечены древнерусские уставные грамоты для крестьян сельских общин, приписывавшихся князьями к вновь основанным монастырям. Монастырские крестьяне указанных русских средневековых грамот работали на монастырском хозяйстве круглый год, но личный состав групп работавших менялся неоднократно в течение года.

3) Критика не находила в сводке надзирателя Лугальгудэ ни одного слова о довольствии указанных 24 пахарей, а раз они не получали довольствия, то, следовательно, у них были свои средства производства, являвшиеся источником их существования.

4) Кроме указанных 24 пахарей, надзиратель Лугальгудэ упоминает о $1348\frac{1}{2}$ работников (гуруш), которые были предоставлены составителю сводки отдельными группами 21 переименованным лицом на 1 день и о $628\frac{1}{3}$ носильщиках, переданных Лугальгудэ четырьмя группами 4 переименованными лицами на 1 день. Против моего толкования этих $1348\frac{1}{2}$ работников (гуруш) на 1 день и $628\frac{1}{3}$ носильщиков на 1 день, как $1348\frac{1}{3}$ и $628\frac{1}{3}$ человекодней, критика указала, что я „сделал тут грубейшую методологическую ошибку, оставив без внимания первичные документы и погнавшись за более или менее безличными сводками, которые, как хорошо известно, могут быть сплошь и рядом кривым и во всяком случае ненадежным зеркалом“. Критика указывала на то, что якобы в сводках надзирателей мы встречаем только обезличенную формулу „столько-то работников на 1 день“, а в первичных документах мы находим и указание „столько-то работников на столько-то дней“, т. е. обозначение реального числа работников и реального числа дней их труда. Было подчеркнуто, что работники, трудившиеся непрерывно у Лугальгудэ, назывались или „пахарями“ или „командой“ (эринн), а люди, доставляемые Лугальгудэ разными лицами, назывались или „работниками-гуруш“, или „носильщиками“. Последние не производили обработку пахотной земли, которая поручалась первым.

5) Лица, предоставившие Лугальгудэ работников-гуруш и носильщиков, были объявлены или землевладельцами, или сановниками, или старшинами общин. Было указано на то, что мною не было приведено никаких документальных данных о том, что эти „работники-гуруш“ и „носильщики“, предоставленные Лугальгудэ указанными лицами, „беспрерывно работали в течение остального времени года в других царских хозяйствах“. Было, объявлено невозможным высказанное якобы мной положение о том, что эти двадцать пять групп работников-гуруш и носильщиков перебрасывались от одного к другому надзирателю.

6) Были высказаны сомнения в справедливости моего противопоставления „работников-гуруш“ так называемым „наемным людям“. Критика указывала на то, что не было якобы принципиального отличия между довольствием постоянных работников и зарплатой наемных людей. Она поэтому высказала положение, что „наемные люди“ („лу-хун-га“) тождественны с постоянными работниками, „возглавляемыми теми же надзирателями и упоминаемыми в других документах, где они фигурируют уже не в качестве наемных рабочих, а в качестве работающих «на дом царя»“.

III

Приведенные положения моих критиков не всегда учитывали то, что я указывал уже в моих исследованиях до 1941 г. В настоящем моем исследовании я приведу и самое существенное из моей старой аргументации, а также те мои наблюдения, которые были сделаны в последние месяцы при работе над статьей для сборника ИВ АН СССР, посвященного тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Я начну с упрека, что мои выводы базируются в основном на одном лишь документе. Я полагаю, что данный упрек был несправедлив и по отношению к моим старым исследованиям, ибо я привлек в них обильный материал, а не только одну сводку надзирателя партии работников — ТЭО 5675. Уже тогда я использовал не только сводки над ирателей, найденные мной в издании Женульяка, но и несколько сводок, опубликованных другими учеными. В настоящий момент указанный упрек окончательно теряет свою силу, поскольку я привожу значительное количество документов, доказывающих с бесспорностью наличие оторванных от средств производства в больших хозяйствах Уммы и Лагаша эпохи III династии Ура. Мне известны сейчас следующие документы, свидетельствующие о длительном непрерывном труде непосредственных производителей в хозяйствах, управляемых царскими наместниками Лагаша и Уммы: 1) КТ IX, табл. 46, № 21348. „Произведение расчетов рабочей команды (эринн) (по) топливному тростнику. (Надзиратель) Ама сын Лугалэрин'а. „С I месяца до V месяца Лагаша“. $44\frac{1}{2}$ гуруш, работавших 5 месяцев. Их рабочая сила $6675 (150 \times 44\frac{1}{2})$ гуруш на 1 день“. Дата: 44-й г. Шульги. 2) Лутц 1 № 78. Документ происходил, судя по именам чиновников, из Уммы. 5 гуруш на 13 месяцев. Дата: 45-й г. Шульги. 3) Хакм., № 272 „ $7200 + 3000 + 300 + (10 + \dots) + \dots 3\frac{2}{3}$ гуруш на 1 день. Израсходовано. Произведение расчетов... — гудэ заведующим хозяйством („нубанда гуд“). Место происхождения Уммы. Дата: 3-й г. Пурсина. 4) ТЭО, № 5675. „Всего: $11966\frac{5}{6}$ гуруш на 1 день. Всего: $628\frac{1}{3}$ носильщиков (ун ил) на 1 день. Израсходовано. Произведение расчетов Лугалгудэ заведующим хозяйством“. Место происхождения Умма. Дата: 4-й г. Пурсина.¹ 5) ТЭО, 5676. 20 гуруш работали 12 месяцев. „Их рабочая сила 7 дней $7200 (360 \times 20)$ “. Кроме этого имелось $85\frac{1}{3}$ человекодня, остаток предшествующего года, $9\frac{1}{2}$ человекодня, уступленных другим надзирателем, и $1813\frac{1}{3}$ человекодней наемных людей. Всего имел в своем распоряжении составитель сводки заведующий хозяйством (нубанда гуд) Урнинсу $9108\frac{1}{6}$ человекодня. Он их все израсходовал, использовав еще лишние $88\frac{1}{6}$ человекодня, кем-то ему предоставленные. Место происхождения Умма. Дата: 2-й г. Гимильсина. 6) ТЭО, № 5674. Сводка из Уммы. 12 носильщиков работали целый день 8 месяцев, начиная с V месяца до XII месяца Уммы. „Рабочая сила носильщиков 2880 дней“. Вместе с ними работали 29 носильщиков половину дня („как сыновья“) в течение 8 месяцев. Строки, вычисляющие рабочую силу этой группы носильщиков, уничтожены. Заканчивается документ словами: „произведение расчетов рабочей силы команды (эринна). Лудани надзиратель. 8 месяцев“. Дата: 3-й г. Пурсина. 7) ДДУ, № 85. В этой сводке из Уммы, оставшейся незаконченной, перечислены $3613\frac{1}{9}$ человекодня, остаток 3-го г. Пурсина, дни работы 6 носильщиков, трудившихся 13 месяцев, и дни работы 33 носильщиков, трудившихся половину дня („как сыновья“)

¹ См. перевод всего текста в ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 211 сл.

в течение 13 месяцев. Дата 4-й г. Пурсина. 8) Барт. III, № 236. Надзиратель Магурри получил в Лагаше в 41-м г. Шульги довольствие ячменем для партии носильщиков на целый год, начиная с I месяца до XII месяца. Из этой партии 12 гуруш получили в месяцу по 60 сила (около 0.80 литра), 2 по 50 сила, 3 по 40 сила, 3 по 30 сила, 3 подростка по 15 сила и 1 подросток по 10 сила. Документы Барт. III, № 160 и 352 от того же 41-го г. Шульги свидетельствуют о получении тем же надзирателем Магурри довольствия ячменем на целый год (на 12 месяцев) для двух других, значительно меньших, партий носильщиков. 9) ТЭО, № 6036. Громадный документ, посвященный „произведению расчетов“ чиновника Агу, заведующего мастерской по плетению корзин и других изделий. Работники его, перечисленные поименно, тоудились целый год, начиная с I месяца и кончая дополнительным XIII месяцем. Место происхождения Умма. Дата: 4-й г. Пурсина. 10) Барт. III, № 359. Чрезвычайно фрагментированная сводка человекоднев мукомольного учреждения большого хозяйства Лагаша. Мы имеем здесь суммы человекоднев, выраженные в очень больших числах, как 34035, 65752 и т. д. Общая же сумма равняется громадному числу: „Всего 283141 мукомолов-гуруш на 1 день“. 11) Неизданная сводка из собраний Гос. Эрмитажа. Здесь перечислены поименно $21\frac{1}{6}$ гуруш какой-то мастерской. Они работали 11 месяцев, начиная с I месяца и кончая XI месяцем Уммы, т. е. „рабочая сила их 6985 дней“. 12) ТЭО № 6171. „Расчеты от Лугальэзенден“. У последнего были, кроме работников, предоставленных на $\frac{2}{3}$ месяца, 1 месяц, 2 месяца 20 дней, еще $11\frac{1}{2}$ гуруш, трудившихся у него целый год (12 месяцев), т. е. „рабочая сила их 4140 дней“ ($360 \times 11\frac{1}{2}$). 13) ТЭО, № 5665. Изготавливающие муку и одежду $141\frac{1}{2}$ гим работают 13 месяцев, начиная с I месяца Уммы до дополнительного XIII месяца, т. е. рабочая сила их 55120 дней. Дата: 34-й г. Шульги. 14) ТЭО, № 5668. „Произведением операций“ надзирателя Дингирра, имевшего в своем распоряжении 36 гим, начиная с IV месяца Уммы до утра 20-го дня XII месяца 46-го года Шульги, т. е. „рабочая сила их 9360 (260×36) дней“. 15) ТЭО, № 5669: „Произведение расчетов с рабочей силой гим мельницы Лугалкалиной“. Ему были подчинены 36 гим, начиная с I месяца до XII месяца Уммы, т. е. „рабочая сила их 12960 дней“. Дата: 46-й г. Шульги. 16) ТЭО, № 5670, „Произведение расчетов Уршара, надзирателем мельницы“. Он давал отчет о работе 36 гим, начиная с III месяца Уммы 46-го года Шульги, 23-го дня утром до II месяца Уммы 47-го года Шульги, 7-го дня его утром (т. е. 314 дней). Следовательно, „рабочая сила их 11304 гим на I день“. (314×36). 17) К. Т., № 14308, табл. 20—23. „Произведение расчетов“ мельницы и пивоварни одного из храмов Лагаша на 13 месяцев. Учреждение располагало всего 7198 рабынь на 1 день. Дата: 46-й г. Шульги. 18) СТА, № 2. „Произведение расчетов с рабочей силой Лудингирра“, писца по муке. Ему были даны $103\frac{2}{3}$, $\frac{1}{15}$ гим, с довольствием в 30 сила и 5 гим с половинным довольствием на 13 месяцев, т. е. „рабочая сила их 41175 дней“. Место происхождения Умма. Дата: 2-й г. Пурсина. 19) СТА, № 5. Документ, подобный предшествующему, но несколько фрагментированный. „Произведение расчетов с рабочей силой Лудингирра“, очевидно, тождественного с составителем предшествующей сводки. Дата: 2-й г. Пурсина. В данном году Лудингирра имел в своем распоряжении 113 гим с ежемесячным довольствием в 30 сила на 13 месяцев, т. е. „рабочая сила их 44200 дней“. 20) ДДУ, № 250. Сильно фрагментированная сводка работ партии гим, начиная с I месяца до XII месяца Уммы. Число

гим равнялось $21 \frac{17}{60} \frac{1}{120}$, и их рабочая сила в течение года соответствовала 7665 человекодням. 21) ГДД, № 401. Документ из Уммы, свидетельствующий о работе партии гим в 49—50 голов в течение 13 месяцев. Дата: 1-й г. Гимильсина. Ср. ДДГ № 302, где дан текст подобного же рода, свидетельствующий о непрерывной работе партии гим в 162 головы в течение 6 месяцев, начиная с I месяца и кончая VI месяцем Уммы. Дата: 1-й г. Пурсина. 22) ИТТ V, № 6859, табл. 27. „Произведение расчетов с рабочей силой гим“. Свидетельствует о непрерывной работе 171 гим в течение 8 месяцев, начиная с I месяца и кончая VIII месяцем Лагаша. Дата: 2-й г. Ибисина. Ср. сходный текст там же, № 9165, табл. 32. 23) Барт. II, № 95. Небольшой текст из Лагаша, сохранивший расчеты с большими суммами человекоднев гим, предоставленными двум надзирателям.

Столь большое количество свидетельств о долговременном непрерывном труде основных категорий работников больших хозяйств Лагаша и Уммы эпохи III династии Ура лишает силы упрек, что положение о рабовладельческом характере царского хозяйства Сумера той эпохи базируется в основном на одном документе из Уммы — сводке надзирателя Лугальгуде от 4-го г. царя Пурсина.

Следует указать и на то, что список свидетельств о долговременном и непрерывном труде гуруш и гим в хозяйствах царя и храма мог бы быть еще увеличен, если бы все издания документов хозяйственной отчетности III династии Ура были в настоящее время мне доступны. К сожалению, ряд весьма важных публикаций не мог быть мной изучен по тем или другим причинам. Интересующие нас документы, несомненно, представлены среди тех бесчисленных клинописных таблечек эпохи III династии Ура, которые разбросаны по музеям и частновладельческим собраниям всего мира и ждут еще своего издателя и исследователя. Я позволяю себе высказать с такой уверенностью подобное положение ввиду того, что я располагаю среди известного мне изданного и неизданного материала текстами, свидетельствующими о существовании документов „произведения расчетов с рабочей силой“, которые мне не удалось установить среди изученных источников. Существование в прошлом таких еще неизданных документов удостоверяется надписями на глиняных буллах, пломбировавших корзины, в которых хранились таблечки отчетности об использовании рабочей силы партии гуруш или гим того или другого надзирателя. Несколько таких булл было издано М. В. Никольским и несколько подобных памятников мне удалось установить в собрании Гос. Эрмитажа.

Ввиду важности этих документов для доказательства моего положения, привожу их содержание. 1) Ник. II, 91. „Корзина с документами. Произведение расчетов с рабочей силой команды (эринна) Лушара надзирателем. 4-й и 5-й годы Гимильсина“. Надзиратель Лушара известен по другим документам: между прочим издана его таблечка от 4-го г. Гимильсина (Фиш., № 615): „25 гуруш на 1 день (на) высокой территории поля УД + гуну поставлены. Надзиратель Лушара“. Она, очевидно, входила в состав тех таблечек, которые заполняли корзину с документами, запломбированную вышеописанной буллой. 2) Ник. II, № 92. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Илпаэ и Урнинсу (за) 12 месяцев здесь находятся. От I месяца до XII месяца Уммы 5-го года Гимильсина“. Полагаю, что текст буллы, формулированный таким образом, подчеркивал значение

содержащихся в корзине документов не как основу „произведения расчетов“ надзирателем, а как основу для оправдания расходов силы, вверенной ему команды работников. Из 2 чиновников, названных в тексте буллы, Идпаэ часто встречается в первичных документах, посвященных операциям с рабочей силой. Мы встретим его и в тексте булл собрания Гос. Эрмитажа. Второй из чиновников Урнинсу являлся, как мы видели, составителем одной из изданных сводок (№ 5 списка), датированной 2-м г. Гимильсина. 3) Ник. II, № 96. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Лудугга сыну Хемаду (за) 12 месяцев здесь находятся, 5-й год Гимильсина“. Лудугга сын Хемаду, упомянутый в булле, является, вероятно, тождественным с заведующим хозяйством (нубанда гуд) Лудугга, который, согласно сводке Урнинсу (столб. 1,5) от 2-го Гимильсина, утвердил за составителем сводки несколько работников. 4) Эрм., № 7894. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Аббашиг заведующему хозяйством (нубанда гуд) за 12 месяцев здесь находятся, 5-й год Гимильсина“. Заведующий хозяйством Аббашиг упоминается в таблетке из Уммы 2-го г. Ибисина (Фиш., № 800). 5) Эрм., № 7599. „Корзина с документами. Произведение расчетов с рабочей силой команды (эринна) Идпаэ сына Аабба здесь находится. 4-й год Гимильсина“. Идпаэ сына Аабба я пока не встречал в другой таблетке, но он будет тождественным одному из надзирателей или заведующих хозяйством по имени Идпаэ, которые неоднократно упоминаются документами хозяйственной отчетности из Уммы. Согласно Губер, это имя в Лагаше не засвидетельствовано. 6) Эрм., № 7832. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Урлугал, заведующему хозяйством (нубанда гуд) (на) 11 месяцев, здесь находятся, начиная со II месяца и кончая XII месяцем Уммы. 7-й год Гимильсина“. Надзиратель Урлугал нам известен по данным архива Уммы, а таблетка Эрм., № 7787, в надписи которой надзиратель Урлугал послал 2 гуруш на работы по речному транспорту, входила наверное в состав корзины, запломбированной буллой Эрм., № 7843, поскольку и она была датирована 7-м годом Гимильсина. 7) Эрм., № 7892. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Лушара сыну Лугалемахэ (на) 11 месяцев, здесь находятся, начиная со II месяца и кончая XII месяцем Уммы. 7-й год Гимильсина“. Надзиратель или заведующий хозяйством Лудингирра упоминается в архиве Уммы, но Лудингирра сына Лугалемахэ я встречаю здесь впервые. 8) Эрм., № 7410. „Корзина с документами. Произведение расчетов с рабочей силой команды дополнительной (эринн диригга) и надзирателем Лушара сыном Дугга (на) 14 месяцев, начиная с I месяца Уммы 6-го года Гимильсина, кончая I месяцем 7-го года Гимильсина, здесь находится“. Из этого документа мы узнаем очень любопытную вещь, что велись специальные расчеты с той рабочей силой, которая предоставлялась надзирателю дополнительно, вероятно, к концу отчетного года. Надзиратель Лушара сын Дугга пока не встречался в известных мне таблетках архива Уммы. 9) Эрм., № 7598. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Идпаэ, заведующим хозяйством, (на) 11 месяцев здесь находятся“. Мы и здесь натакиваемся на Идпаэ, чиновника, имя которого пестрит на документах хозяйственной отчетности Уммы.

Я завершил список известных мне булл с корзин, содержавших таблетки, посвященные операциям с рабочей силой, но может быть следует причислить к документам этого порядка и те буллы, в которых

отсутствует упоминание „рабочей силы команды (а эррина)“. Для примера я мог бы привести КБ, № 66: „Корзина с документами. Производство расчетов Аббагиной здесь находится. 6-й год Гимильсина“. Чиновник Аббагина нам хорошо знаком по документам из Уммы, а упоминание „рабочей силы команды (а эррина)“ выпадало и в некоторых выше приведенных сводках надзирателей, как, например, в сводке № 4 списка: „Произведение расчетов Лугальгудэ, заведующим хозяйством“. Если с данным моим предположением можно согласиться, то число документов, свидетельствующих о длительной и непрерывной работе непосредственных производителей в больших хозяйствах позднего Сумера, еще более увеличится (напр. буллы Ник. II, №№ 93, 94 и 96). Вместе с тем я отнюдь не намерен настаивать на моем последнем предположении, поскольку число основных источников, доказывающих мой тезис об отрыве от средств производства большей части работников царского хозяйства и без того велико и не ограничивается, как утверждала критика, одним лишь документом.

IV

Критика пыталась опровергнуть мой вывод из сводки надзирателя Лугальгудэ (см. № 4 списка) о непрерывной работе в течение 13 месяцев 24 пахарей указанием на то, что последние не являлись постоянными работниками, а являлись сменяющими друг друга общинниками, которые в числе 24 человек представлялись каждый день Лугальгудэ одной из сельских общин из общего числа трудоспособных ее представителей. Подобное предположение, казалось, могло найти свое подтверждение в том факте, что в сводке Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина мы не имеем письменного списка 24 пахарей и их сыновей. Уже в 1934 г. я указывал в моем исследовании, сопутствующем переводу указанной сводки надзирателя Лугальгудэ, что отсутствие поименного списка 24 пахарей в сводке не дает нам права сопоставлять последнюю с документами нашего средневековья, свидетельствующими о барщинных формах эксплуатации. Действительно, против подобного сопоставления говорит уже тот факт, что в строке 31 столбца IX сводки Лугальгудэ назван по имени один из работников партии Арадшара в связи с указанием его болезни в течение 45 дней. Среди первичных документов мы находим ряд таблелек, тщательно отмечавших длительность болезни того или другого названного по имени работника (напр.: Ник. II, №№ 170, 171 и 172; СТД, №№ 153, 154, 156, 157, 167, 194; Эрм., № 7420 и др.). Мы имеем первичные документы, представлявшие сведения о времени смерти поименованных в них работников (напр., Ник. II, 173, 174 и др.). Мы находим указание на смерть работника и в сводках надзирателя (напр. в сводке собр. Эрм., № 11 списка, 1 столб., 9 стр.). Подобная регистрация момента смерти или продолжительности болезни определенного именем работника со стороны чиновничьего аппарата царского хозяйства не имела бы никакого смысла, если бы партии гуруш надзирателей состояли не из определенных, постоянно работавших лиц, а лишь из определенного числа постоянно меняющихся представителей той или другой общины. В таком случае для надзирателя партии гуруш была бы безразлична болезнь или смерть того или другого его работника, поскольку община была обязана заботиться о немедленном замещении заболевшего или умершего работника. Во всяком случае имя заболевшего работника его не должно было интересовать. Если же надзиратель Лугальгудэ

назвал по имени своего заболевшего работника, то из этого можно сделать весьма вероятный вывод, что его 24 пахаря работали у него непрерывно, не меняя своего состава, весь год. Данный вывод подкреплялся еще и тем, что и в последующем тексте своей сводки Лугальгудэ называл некоторых из своих гуруш по имени. Так в столбце X, 5—9 мы читаем: „1 (гуруш) Лугальзиму на 4 месяца рабочая сила его 120 дней. Страж помещения жизни (вероятно „жизненных припасов“). Печать Лудин-гирра“. Очевидно, „стражу помещения жизни“ Лугальгудэ предоставил на 4 месяца своего работника Лугальзиму. В первичном документе Эрм., 7703, надзиратель Лугальгигуш предоставляет „стражу помещения жизни“ своего работника Шешкалла тоже на $3\frac{1}{2}$ года. Нам известны и другие первичные документы, закрепляющие передачу того или другого работника „стражу помещения жизни“ (Эрм., № 7703, ДДТ, № 324, Фиш, № 567 и СТД, 183). Вообще нам известны многочисленные первичные документы о передаче отдельных работников на продолжительные сроки тому или другому лицу (напр. СТД, 160, 161, 162, 164 и т. д., Эрм., 7431, 7489, 7567, 7582, 7617, 7621 и т. д.). Они находят свои соответствия в сходных передачах отдельных работников, засвидетельствованных в других известных нам сводках надзирателей. Возвращаясь снова к сводке Лугальгудэ от 4-го года Пурсина мы найдем в столбце X, 14—22 поименный список 6 работников его партии: „ $\frac{1}{2}$ (рабочей силы) Арадхула, $\frac{1}{2}$ Луинурра, $\frac{1}{2}$ Лушара, $\frac{1}{2}$ Луининни, $\frac{1}{2}$ Лугина брадобрей, $\frac{1}{2}$ Лугальмурубэ. На 4 месяца. Рабочая сила их $6 \times 4 \times \frac{30}{2}$ дней.“

Рабочая сила дней отрыва (от партии работников Лугальгудэ) „в качестве сыновей“. Ниже я объясняю и термин „день отрыва“ и выражение „в качестве сыновей“, а сейчас я хочу подчеркнуть, что данный поименный список работников нам бесспорно указывает на реальность „24 пахарей и их сыновей“ (столб. 1, 1 текста) сводки Лугальгудэ, как определенных лиц, работавших непрерывно, не сменяясь, целый год под надзором названного надзирателя. Правда, для историка, соглашающегося с данным выводом, все же остается недоуменный вопрос, почему в сводке надзирателя Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина не дается в начале поименный список его „пахарей“, в то время как в других сводках мы находим поименный список работников. На этот недоуменный вопрос я ответил уже в 1934 г.¹ указанием, „что отчитывающиеся надзиратели избегали ради экономии своей работы перечислять поименно вверенных им работников, если состав последних был более или менее постоянным. В тех же случаях, когда состав партии работников надзирателя менялся или он распылял ее по партиям других надзирателей, то тогда он тщательно перечислял в вводной части имена своих работников, как это имело место в отчетах надзирателей в таблетках №№ 5674, 6035 и отчасти 5675 ТЭО“. Выказанное мной в 1934 г. предположение нашло свое полное подтверждение в тексте, изданном в 1937 г. американским сумерологом Г. Г. Хакманом в публикации храмовых документов III династии Ура из Уммы. Данный большой текст, № 272 публикации, содержал около 250 строк в десяти столбцах. К сожалению, он местами сильно фрагментирован, причем пострадал и конец текста, содержавший имя чиновника, составителя документа: „... гуд-э заведующий хозяйством (нубаада гуд)“. Невозможность восстановления имени этого заведующего хозяйством была бы чрезвычайно досадна, ибо № 272 издания Хакмана является одной из интересую-

¹ ПИДО, 1934 № 7—8, стр. 216 б, прим. 4.

ших нас сводок надзирателя партии гуруш, как я уже выше установил, включив его под № 3 в составленный мной список текстов-свидетельств о продолжительности непрерывного труда работников царского и храмового хозяйства. К счастью, мы можем восстановить со всей бесспорностью полуразрушенное имя заведующего хозяйством, составившего документ Хакм., 272. Дело в том, что мы встречаем здесь тот же поименный список 6 работников, который мы нашли в сводке надзирателя Лугальгудэ. Следует отметить, что имена перечислены в том же порядке и в Хакм., 272 и ТЭО, 5675, а также почти полную тождественность контекста и тут и там. Сопоставление соответствующих строк обоих текстов доказывает со всей очевидностью почти полное совпадение их содержания:

ТЭО, 5675, X, 14 сл.	Хакм., 272, IX, 5 сл.
(14) $\frac{1}{2}$ /силы работника/ Арадхула	(5) $\frac{1}{2}$ Арадхула
(15) $\frac{1}{2}$ Луниурра	(6) $\frac{1}{2}$ Луниурра
(16) $\frac{1}{2}$ Лушара	(7) $\frac{1}{2}$ Лушара
(17) $\frac{1}{2}$ Луининни	(8) $\frac{1}{2}$ Луининни
(18) $\frac{1}{2}$ Лугина брадобрей	(9) $\frac{1}{2}$ Лугина брадобрей
(19) $\frac{1}{2}$ Лугальмурубэ	(10) $\frac{1}{2}$ Лугальмурубэ
(20) На 4 месяца	(11) На 3 месяца
(21) Рабочая сила их 360 дней	(12) Рабочая сила их 240 дней
(21) Рабочая сила дней отрыва	(12) Рабочая сила дней отрыва
(22) В качестве сыновей	(13) В качестве сыновей

Отличие в сроке отрыва указанных 6 работников от своего отряда (4 месяца в ТЭО, 5675 и 3 месяца в Хакм., 272) было обусловлено, очевидно, тем, что сводка ТЭО, 5675 обнимала время в 13 месяцев, а сводка Хакм., 272, лишь время в 12 месяцев. Во всем другом содержании процитированных строк обоих документов было абсолютно идентичным, поэтому я имею полное право утверждать, что оба документа восходят к одному и тому же составителю. Полуразрушенное имя составителя документа Хакм., 272, X, 22 „... гуд-э“ отнюдь не противоречит этому утверждению. В разрушенном начале строки X, 22, знак „лугаль“, первый элемент имени составителя сводки ТЭО, 5675 „Лугальгуд...“, может быть без какого-либо затруднения восстановлен. Он без остатка заполняет собой лакуну. Мало того, полуразрушенное имя Хакм., 272, X, 22, дает нам возможность окончательно и бесспорно восстановить целое фонетического облика имени составителя сводки ТЭО, 5675. Дело в том, что самый последний знак, входивший в состав его имени в этом документе (столб. XI, 7) почти совсем разрушен. От имени его, строго говоря, сохранились здесь с абсолютной несомненностью лишь „Лугальгуд—...“ Последний знак „э“ был восстановлен по аналогии с именем Лугальгудэ, встречающимся в ряде других текстов (см. ниже). Н. Шнейдер еще в своем исследовании 1935 г. определяет документ ТЭО, 5675, как „произведение расчетов чиновника Лугальгуд...“¹ Теперь же мы можем, путем сопоставления конца имени „-гуд-э“ в Хакм., 272, X, 22 и начала имени „Лугальгуд“ — в ТЭО, 5675, XI, 7, восстановить имя составителя обоих документов безоговорочно — как „Лугальгудэ“. Установленный нами факт авторства чиновников Лугальгудэ также и сводки Хакм., 272, не замеченный автором издания, получает тем большее значение для историка, что документ датируется 3-м г. Пурсина, т. е. непосредственно предшествует сводке ТЭО, 5675, датированной 4-м г. Пурсина.

¹ Мисц. Ор., стр. 232.

Мы можем, таким образом, проследить с помощью данных двух документов историю одного отряда работников царского хозяйства города Уммы эпохи III династии Ура на протяжении двух лет, а это представляет, конечно, для исследователя организации труда в позднесумерийском обществе большой интерес. Действительно, на основании свидетельства данных двух отчетов Лугальгуде мы можем установить тот для нас весьма существенный факт, что отряд его работников в течение двух лет в основном не менял своего состава. Мы видели выше, что и в 3-м и в 4-м г. Пурсина Лугальгуде мог назначать одних и тех же работников на работу „дней отрыва“ („уд габ“).

Поскольку вопрос об определении характера „дней отрыва“ имеет немалое значение для решения проблемы об организации труда в сумерийском обществе, то я должен остановиться несколько на анализе материала, которым я располагаю о „днях отрыва“. Впервые с этим термином познакомился, кажется, А. Деймель при издании таблетки № 41 собрания Венглер.¹ В начале названного текста мы читаем: „6611 гим на 1 день. Рабочая сила размалывания муки (зид-хар-а). Рабочая сила дней отрыва их: 248“. Деймель оставляет термин „дни отрыва“ без интерпретации, ограничиваясь указанием на то, что „число дней габ“ каким-то образом связано с числом 6611, поскольку говорится „рабочая сила дней отрыва их“. С только что приведенной таблечкой перекликается таблечка Эрм., 7948 от 46-го г. Шульги, отмечавшей также человекодни работниц — гим: „4065 гим на 1 день. Рабочая сила размалывания муки. Рабочая сила дней отрыва их“. Число „дней отрыва“ таблечка не дает. Женульяк встретил термин „дни отрыва“ в изданных им в 1922 г. сводках надзирателей. В кратком резюме (1924 г.) содержания этих документов французский сумеролог переводит интересующий нас термин под знаком вопроса, как „дни отдыха“.² Я пытался интерпретировать любопытное выражение „дни отдыха“ („уд габ“) уже в моем исследовании 1934 г.³ и продолжал работать над ним вплоть до последнего времени. Полагаю, что под „днями отрыва“ надо понимать то время, в течение которого работник выходил из состава своего отряда. В сводках надзирателей отрядов работниц, изданных Женульяком, можно установить некоторое определенное соотношение между общей суммой человекодней отряда и его числом „дней отрыва“. Так в ТЭО, 5669, 1, 1—7 мы читаем: „36 гим, начиная с 1 месяца до XII месяца Уммы. Рабочая сила их 12960 дней для общей суммы. 2160 (дней) рабочая сила дней отрыва“. Число же „2160“, соответствующее в данной сводке „дням отрыва“ 36 гим, трудившихся 12 месяцев, является шестой частью суммы человекодней 36 гим за год, т. е. $12960:6=2160$. „Дни отрыва“ гим в сводках надзирателей ТЭО, 5668 и 5670 составляют также шестую часть общей суммы человекодней их рабочих отрядов. В сводке же ТЭО, 5665, термин „дни отрыва“ заменен даже дробью „ $\frac{1}{6}$ “ и в строках 15—17 лицевой стороны таблечки мы имеем следующее исчисление: „3344 гим на 1 день. Рабочая сила размалывания муки. $\frac{1}{6}$ их 557 $\frac{1}{3}$ “ (т. е. 3344:6). Наверное, эти „дни отрыва“ работниц (гим), засвидетельствованные ТЭО, 5665, 5668, 5669 и 5670 и составляющие 5 дней в месяц, соответствуют дням женской болезни, когда они с точки зрения сумерийца были нечистыми и их нельзя было поэтому допускать до какой-нибудь работы. „Дни отрыва“ гим могли исчисляться еще и иным спо-

¹ Ор. 2, стр. 68.

² Баб. VIII, стр. 43.

³ ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 217, прим. 217.

сособом, по крайней мере в одной из двух сводок надзирателей отрядов гим издания СТА, а именно СТА № 2, число „дней отрыва“ (столб. III, 5—7) равняется примерно двенадцатой части общей суммы человеко-дней работниц, трудившихся 13 месяцев. К сожалению, в автографию публикации при передаче данного числа „дней отрыва“ вкралась, несомненно, некоторая неточность. Во второй из сводок названной публикации (СТА, № 5) число „дней отрыва“ работниц является примерно одной шестой общего числа человеко-дней (столб. II, 11—17). Кроме того, мы находим в этом документе (столб. I, 24—II, 1) указание еще на какую-то „одну пятую“ некоторых из слагаемых общей суммы человеко-дней работниц надзирателя Лудингирра, составителя обоих сводок СТА, „5563 гим на 1 день. $\frac{1}{5}$ его 1112 $\frac{2}{3}$ “. „Одна пятая“ упоминается и в следующих строках, но в разрушенном контексте. Более детальное исследование этих двух интереснейших документов СТА (№ 2 и 5) я здесь дать не могу, хотя они, несомненно, этого заслуживают.

Переходя теперь к вопросу о „днях отрыва“ по отношению к работникам, к гуруш, следует указать, что „дни отрыва“ работников-гуруш засвидетельствованы не только в сводках, но и в одном из первичных документов, в таблетке Хакм., 344 от 40-го г. Шульги. Текст начинается с упоминания числа „дней отрыва“: „1104 гуруш на 1 день. Рабочая сила дней отрыва. 360 гуруш на 1 день в городе Адукка поставлены. 360 гуруш на (поле) Мушбианна поставлены“. Упоминание „дней отрыва“ находим как в вышеупомянутых сводках надзирателя Лугальгудэ, так и в сводке заведующего хозяйством (нубанда гуд) Урнинсу (ТЭО, 5676). Мы находим здесь, как и в сводке Лугальгудэ, в конце документа (столб. XII, 6—15) поименный список 6 гуруш в связи с „днями отрыва“: $\frac{1}{2}$ Луниншубур, $\frac{1}{2}$ Лугальемахэ (сын) Урдумузида, $\frac{1}{2}$ Лугальдага, $\frac{1}{2}$ Лушара, $\frac{1}{2}$ Луниншубур второй, $\frac{1}{2}$ Аакалла сын Лумене на 4 месяца. Рабочая сила их 360 дней. Рабочая сила дней отрыва в качестве сыновей“. Следует отметить, что в сводках гуруш, как Лугальгудэ, так и Урнинсу, особо от „дней отрыва“ гуруш отмечались „дни отрыва“ носильщиков, которые работали вместе с гуруш отряда данного надзирателя. Исчисление „дней отрыва“ носильщиков следовало непосредственно за „днями отрыва“ гуруш; так в отчете Урнинсу мы читаем (столб. XII, 16—20): „36 гуруш на 1 день. Рабочая сила дней отрыва носильщиков на 4 (?) месяца, начиная с X месяца, кончая XII месяцем Джохи“. В сводках, посвященных специально отчету о труде носильщиков „дни отрыва“ перечислены в начале документа после указания общей суммы человеко-дней, которыми располагал данный надзиратель. (См. сводку ДДУ, 85, с № 7 списка, столб. III, 5—7, и сводку ТЭО, 5674, № 6 списка, столб. III, 22—23). В громадном документе ТЭО, 6036, № 9 списка, отчете заведующего мастерской по плетению корзин работники названы „носильщиками“ (столб. II, 41) и здесь также „дни отрыва“ отмечены после общей суммы человеко-дней (столб. III, 16 сл.). Перед тем, как перейти к носильщину объяснению термина „дни отрыва“ по отношению к работникам-мужчинам, я хочу разъяснить значение „дней отрыва в качестве сыновей“, которые мы встретили в сводках и Лугальгудэ и Урнинсу. Данное выражение отнюдь не указывает на то, что группа в 6 работников, переименованных в указанных сводках, являлись подростками, получавшими зерновое довольствие в половинном размере. В отчете Урнинсу было отмечено в начале (столб. I, 12 сл.), что все 6, вышеперечисленных в связи с „днями отрыва“, работников, получали полное зерновое довольствие, т. е. были взрослыми мужчинами. В сводках ТЭО, 5674 (столб. III, 5 сл.)

и 6036 (столб. III, 13, 16, 19, 22) мы также находим указание, что работники, связанные с днями отрыва, были не подростками, а взрослыми мужчинами. Поэтому надо интерпретировать выражение „дни отрыва в качестве сыновей“ по отношению к тем или другим работникам лишь в том смысле, что последние посылались на полдня на работы, на которых они трудились в течение определенного срока. Тем самым они уподоблялись „сыновьям“, т. е. подросткам, рабочая сила которых приравнивалась по эффективности своей работы половине дня взрослого человека. Остается теперь решить, для каких же работ „отрывались“ некоторые из гуруш или носильщиков от своих отрядов. Полагаю, что решить данный вопрос можно путем привлечения двух любопытных текстов, которые были изданы в ДДУ, 88 и ТЭО, 6038. Близость этих двух текстов друг к другу устанавливается древним их названием, которое давалось, как известно, шумерийскими писцами не в начале, а в конце документа. Из заключения обоих указанных текстов мы узнаем об определении их содержания и также о их датировке. В конечных строках первого из названных документов, который является значительно большим по объему, нежели второй, мы читаем (столб. XIII, 25—29) следующее: „команда работников (эрин) для выгрузки (бал), выходящая (е-е) в Умме. 5-й год царя Пурсина“. В заключении второго из документов (столб. X, 1—4) мы находим почти тождественное определение содержания: „команда работников (эрин) для выгрузки (бал), выходящая (е-е) в Адукка. 7-й год царя Пурсина“. Следовательно, оба текста посвящены исчислению состава двух команд работников, названных „выходящими“, причем команда первого документа пребывала в самой Умме, а команда второго — в Адукка, городе, находившемся вблизи Уммы. Поскольку команда работников ДДУ, 88 пребывала в самой Умме, то и определение ее в качестве „выходящей“ не может быть связано с „выходом“ ее из города Уммы, а должно быть объяснено каким-нибудь иным способом. Переходя к описанию основного текста обоих документов, мы должны отметить, что громадная, но, к сожалению, несколько фрагментированная табличка ДДУ, 88, на 13 столбцах перечисляет поименно сотни гуруш, разделенных на возглавленные надзирателями отряды. Конечный итог списка дает 913 гуруш. Табличка ТЭО, 6038, меньшая, как уже сказано, по объему, дает поименный список 233 $\frac{5}{6}$ гуруш на 10 столбцах текста. Особенностью обоих этих списков является тот факт, что в них были перечислены гуруш таких специальностей, которые в других известных пока документах хозяйственной отчетности почти не встречаются, а именно рыбаки и пастухи. Действительно, в многочисленных документах, посвященных работе лиц, трудившихся в больших хозяйствах Уммы и Лагаша, не упоминается рыбная ловля, а также и пастьба скота. Очевидно, и рыбаки и пастухи находились по характеру своего труда вне организации, ведавшей людом, трудившимся в основном зерновом царском хозяйстве Уммы и Лагаша. Специальные же архивы, ведавшие рыбаками и пастухами, остаются, очевидно, пока неизвестными. Поэтому нас не может не поразить упоминание в двух вышеуказанных табличках ДДУ, 88 и ТЭО, 6038 сравнительно большого количества рыбаков (ДДУ, 88, 320—339 и ТЭО, 6038, столб. VII, 7—33) и пастухов (ТЭО, столб. V—VI), наравне с прочими гуруш. Среди последних, я полагаю, можно установить и некоторых гуруш, входивших в состав тех отрядов, труд которых был зафиксирован в одной из вышеперечисленных годовых сводок надзирателей. Так, я полагаю, что один из носильщиков, упомянутый в незаконченной сводке ДДУ, 85 (№ 7 списка), а именно „Лугальгиширри сын Гирни“ (столб. II, 4) тожде-

ствен с „Лугальгишгирри сыном Гирни“, названным ДДУ, 88 (столб. XIII, 13—14). Возможно, что и 3 из 6 гуруш отряда Лугальгуде, отдававших известную часть своей „рабочей силы“ „днями отрыва“, упоминаются среди „команды работников для разгрузки, выходящей в Умме“, поименного списка ТЭО, 6038. Мы находим здесь среди гуруш, которые не являются ни пастухами, ни рыбаками, имена Арадкула (столб. II, 9). Луиниура (столб. IV, 30) и, наконец, Лугальмурубэ (столб. VIII, 24). Конечно, подобное сопоставление может быть оспариваемо, поскольку мы не имеем здесь тождества имени и отчества, как в вышеприведенном случае с Лугальгишгирри сыном Гирни. Поэтому не настаивая на данном отождествлении, я убежден в том, что поименные списки ДДУ, 88 и ТЭО, 6038, охватывающие работников зернового, скотоводческого и рыболовного секторов царского хозяйства Уммы, называют их „выходящими“ потому, что они „выходили“ на время из состава своих секторов, чтобы объединиться с другими работниками для выполнения общегосударственных, общественных работ. При такой интерпретации термина „выходящий“ ДДУ, 88 и ТЭО, 6038, сближается с термином „дни отрыва“, применяемом по отношению к работникам-мужчинам. Последние „отрывались“ от своих отрядов и от своего зернового, сельскохозяйственного сектора на определенный срок, чтобы принять участие в общественных работах, которые имели общегосударственное значение. Возможно, что в одной из таблеток Ильского университета (Хакм. 74) от 7-го г. Пурсина сохранилось свидетельство об отпращивании 12 гуруш на общественные работы по выгрузке. Контрагентами выступают здесь „рыбак“ надзиратель Урсин и чиновник зернового хозяйства Урмикисаль. Вполне понятно, что царь или его наместник требовали для подобных работ наиболее сильных и крепких людей. Вспомним хотя бы приказ царя Хаммурапи своему наместнику Синидиному о посылке команд носильщиков, в котором он требует от своего сановника (ББ, 48): „среди той команды носильщиков не должен находиться ни один малосильный, ни старик и ни ребенок, посылай только сильных мужчин!“. Поэтому и Лугальгуде выделял в 3-м и 4-м гг. Пурсина из среды своих 24 пахарей определенную группу из 6 человек, очевидно, наиболее сильных мужчин.

Если же Лугальгуде мог из года в год выделять из своего отряда одну и ту же группу работников, то из этого следует, что он располагал отрядом гуруш, состав которого был более или менее постоянным, а не отрядом постоянно сменявшихся лиц, которые предоставлялись ему в определенном количестве какой-нибудь из сельских общин. Отрядом работников с устойчивым составом руководил и Урнинсу, судя по его сводке (№ 5 списка). Подобным же отрядом располагал, очевидно, и надзиратель Уршульпае, который согласно документам СТД, 175 и 180 два года подряд, в 5-м и в 6-м гг. Пурсина, передавал на 9 месяцев некоему чиновнику Иран работника Лугальибгул. Весь этот материал может быть, конечно, увеличен путем дальнейших публикаций. Надеюсь, что и то, что я привел, является достаточным для того, чтобы опровергнуть один из основных доводов критики против моих выводов 1933 г. из сводки надзирателя Лугальгуде в ТЭО, 5675.

V

Доказав непрерывность работы пахарей Лугальгуде под его руководством, я, строго говоря, уже в сильнейшей степени ослабил и другой аргумент критики моего вывода о рабском положении пахарей названного

надзирателя. Как выше сказано, критика не находила в сводке надзирателя Лугальгуде ни одного слова о довольствии его 24 пахарей, а раз они не получали довольствия, то, утверждала критика, у них были свои средства производства, являвшиеся источником их существования. Я полагаю, что теперь после сопоставления сводок Лугальгуде от 4-го и 5-го гг. Пурсина критика должна найти немало слов о довольствии 24 пахарей рабочего отряда названного надзирателя. Действительно, если пахари Лугальгуде работали непрерывно под его руководством, то они должны были получать довольствие из царского хозяйства. Сумерийское общество в эпоху III династии Ура успело достигнуть такой ступени производства и такого неравенства в распределении, что не только в небольшом частном хозяйстве, но и в большом царском и храмовом хозяйстве оно могло приготовить как материал и орудия труда, так и средства для пропитания рабов.

Поразительная сложность аппарата и налаженность контроля в царском хозяйстве Уммы и Лагаша засвидетельствованы рядом документов. В особенности рельефно выступает мощь хозяйственного аппарата при воссоединении генетически связанных между собой документов хозяйственной отчетности, но разъединенных друг от друга судьбами своей новой жизни, начавшейся с момента извлечения их из недр земли. Используя данные содержания, имен, титулов, социальных терминов, локализации и датировки изучаемых текстов можно установить генетическую связь между документами, разбросанными по музеям весьма отдаленных друг от друга стран. Конечно, при таком сопоставлении следует избегать поспешных выводов. Так, например, мы находим в таблетке из Уммы одного из монастырских музеев Барселоны некоего работника Адалал, поставленного на ряд месяцев в качестве „стража“ (энну). Она датируется 2-м г. Гимильсина (см. ДДТ, 228). В таблетке от 8-го г. Пурсина музея Калифорнийского университета (Лутц 1, 42) упоминается также „страж“ Адалал. Весьма заманчивым казалось бы отождествление „стража“ Адалала, засвидетельствованного столь близкими по времени таблетками. К сожалению, это отождествление невозможно, ибо таблетка из музея Калифорнийского университета должна быть локализована Дрехемом около Ниппура, поскольку здесь упомянут столь часто встречающийся в дрехемских документах чиновник Аббашагга.

При учете же максимального количества моментов сближения историк сможет путем установления подлинной генетической связи нескольких до того как пространственно, так и научно-исследовательски разъединенных документов получить ценные результаты для истории и экономики Сумера конца III тысячелетия до н. э. Так прекрасно сохранившаяся таблетка Ник. II, 236 от 1-го г. Пурсина, лучший документ по полемому хозяйству Уммы этой эпохи, должна и может быть без каких-либо колебаний сопоставлена с таблеткой Хакм., 277, которую издатель причисляет по ее необыкновенному содержанию к наиболее замечательным текстам своей публикации. Таблетка ТЭО, 6039 от II месяца Уммы 5-го г. Пурсина, содержащая поименный список около 250 „военнопленных“ женщин и детей, находит свое продолжение в таблетке Ник. II, 329 от VII месяца Уммы того же Пурсина, содержащая также реестр поименно перечисленных 47 военнопленных женщин и детей. Имена последних названы в большом списке ТЭО, 6039. Совместное изучение обоих документов выявляет во всей конкретности предельную жестокость рабовладельческого общества Сумера III династии Ура. Сопоставление таблетки ГДД, 382 Берлинского музея от 8-го г. Пурсина с таблеткой Хакм. 8 Изельского

университета от того же года познакомит историка с положением тех непосредственных производителей, которые имели еще свои земельные наделы, правда, лишь мельчайшие, размером в одну треть гектара. Одного из этих людей, перечисленных в обоих названных табличках, а именно Акаллу, сына Урлумаха, мы встречаем еще в третьем документе — в табличке СТД, 150 также из собрания Иальского университета, но изданной еще в 1919 г. Согласно данному документу Акалла сын Урпумаха во 2-м г. Пурсина не владел еще своим крошечным наделом, по крайней мере он был отдан на длительный срок (больше года) надзирателем Урмесом на постороннюю работу. Таким образом, мы можем проследить судьбу труженика царского хозяйства города Уммы Акаллы, сына Урпумаха, умершего 4000 лет тому назад.

О представителях господствующего класса архивы Уммы и Лагаша дают нам, как это вполне понятно, значительно более обильные сведения. Так, ряд изданных текстов и один неизданный из собрания Гос. Эрмитажа так или иначе связан с неоднократно упомянутым Лугальгудэ, составителем сводок ТЭО, 5675 и Хакм., 272. Лугальгудэ был сравнительно крупным чиновником царского хозяйства Уммы, получавшим довольствие ячменем в год от 30 гуров, т. е. около 5400 кг (ТЭО, 6050) до 60 гуров, т. е. около 10800 кг (Лутц I, 72). Своему сыну Урнумуша он также мог обеспечить хорошее положение в чиновничьем аппарате царского хозяйства Уммы, как об этом свидетельствуют таблички Фиш, 584 и Лутц II, 97. Совокупность текстов, генетически связанных между собой личностью Лугальгудэ, способствует углублению исследования сложной и сравнительно точной работы чиновничьего аппарата большого царского хозяйства Уммы. Одним из самых замечательных текстов, упоминавших имя Лугальгудэ, не считая две составленные им сводки, является табличка СТД, 242 с весьма своеобразным содержанием. Как лицевая, так и оборотная стороны таблички разделены на 3 вертикальные и на 8 горизонтальных полос. Тем самым поверхность и лицевой и оборотной сторон таблички распадается на 24 прямоугольника, соответствующие, судя по надписям лицевой стороны, отдельным участкам, на которые разбиваются 3 поля, входившие в состав территории Уммы: верхнее поле — Камари, среднее поле — Агештин и нижнее поле — царя. Поле Камари состоит из 3 горизонтальных полос. В каждом из 3 прямоугольников верхней полосы имеются надписи „жатва ячменя“ и отдельные довольно значительные числа, обозначающие, очевидно, количество жнецов, использованных на этих участках. Надписи прямоугольников средней полосы поля Камари отмечали „сбор овощей“ и количество сборщиков. Надпись прямоугольников нижней полосы гласила: „(на) высоком поле поставлены“ и количество работников, поставленных на высоких участках поля Камари. Затем под каждым прямоугольником этой нижней полосы было указано имя поля „Камари“, а затем следовало указание 5-го г. Пурсина. Под датировкой надписи под правым прямоугольником нижней полосы названного поля отмечается имя надзирателя Башаг. Последний, очевидно, ведал в 5-м г. Пурсина правой вертикальной полосой поля Камари. Среднее поле, поле Агештин, располагало только 2 горизонтальными полосами; на первой была указана жатва ячменя, а на второй — сбор овощей, причем и тут и там было указано количество привлеченных работников. Нижнее поле, „поле царя“, обнимало собой, подобно полю Камари, 3 горизонтальных полосы: полосу зернового хозяйства, полосу огородничества и территорию высоких полей. Под названием „поле царя“ в левой вертикальной полосе дано указание 6-го г. царя Пурсина. В двух других вертикальных полосах

лицевой стороны оно отсутствует, но тем не менее, надо полагать, оно имеет отношение и к ним как дата составления таблетки. Под левой вертикальной полосой лицевой стороны таблетки читаем: „надзиратель Ургишгигир, па-ал (титул крупного храмового чиновника)“. Имя чиновника под средней вертикальной полосой гласило: „Надзиратель Ургишгигир, заведующий хозяйством (нубанда гуд)“. Под правой вертикальной полосой мы встречаем нашего старого знакомого „надзирателя Лугальгудэ“. Последний заведует в противоположность своим двум товарищам, жрецу Ургишгигиру и заведующему хозяйством Ургишгигиру, меньшим участком. В 5-м г. Пурсина участок поля Камари, которым он „владел“, согласно ТЭО, 5675, II, 30, в 4-м г. Пурсина, был у него отнят и передан надзирателю Башагу. За ним был оставлен участок „поля царя“ и прибавлен соответствующий участок поля „Агештин“. В связи с данным установлением следует отметить тот весьма существенный факт, что Лугальгудэ и в прошлом не был прикреплен к какому-нибудь определенному полю, но чуть ли не каждый год ему приходилось заведывать другим полем. Действительно, во 2-м г. Пурсина он ведал уборкой жатвы на поле Камари (Эрм., 8032), а в 3-м г. Пурсина он был связан с жатвой и прочей работой на отдельных высоких полях. Надо полагать, что Лугальгудэ не является исключением среди прочих надзирателей, и последние также не прикреплялись в течение ряда лет к одному и тому же полю. Отсутствие подобной „крепости“ к полю не говорит в пользу того, что мы имеем дело в царском хозяйстве Уммы с общинными порядками.

Этому предположению противоречит столь же определенно и другой вывод, который можем сделать из текста на оборотной стороне таблетки СДТ, 242. Как уже выше было сказано, оборотная сторона была также разделена на 3 вертикальные и на 8 перекрещивающих их горизонтальных полос. Эти полосы разделяли те же 3 поля (поле Камари, поле Агештин, поле царя), что и полосы лицевой стороны таблетки. Здесь, на оборотной стороне, названы также имена чиновников, правда, без титулов, но из других текстов мы узнаем, что они являются такими же надзирателями, как и вышеназванные жрец Ургишгигир заведующий хозяйством Ургишгигир, Башаг и Лугальгудэ. В противоположность последним, заведывавшим вертикальными отрезками полей, 8 чиновников, перечисленных на оборотной стороне — Лугальмурубэ, Лугальрани, Лугальемах, Урмес, Урэнлиль, Идпаэ, Лугальазалзу и Дадуму — заведывали горизонтальными отрезками 3 вышеназванных полей. Подобное перекрещивающееся заведывание как полями, так и рабочей силой было обусловлено со стороны верхушки администрации желанием создать наиболее эффективный контроль над действиями сложного чиновничьего аппарата в громадном царском хозяйстве. Все перечисленные в таблетке СДТ 242, 13 чиновников, взаимно контролирующие друг друга, представляли собой в течение некоторого времени определенную, налаженную группу в среде остального чиновничьего аппарата. Об этом свидетельствует ряд текстов, как СДТ, 232, 249, ТЭО, 6050; Лутц 1, 72, 95; Хакм., 111. Столь искусно организованный взаимный контроль представителей чиновничьего аппарата являлся необходимым в громадном и сложном хозяйстве царских и храмовых латифундий Сумера эпохи III династии Ура. В условиях же примитивного хозяйства конгломерата самостоятельных сельских общин подобный контроль был и не нужен и немыслим. Поэтому я имею основание утверждать, что в документе СДТ, 242 мы имеем весьма убедительный аргумент в пользу определения царского хозяйства Уммы как хозяйства рабовладельческого типа.

Разбираемая таблетка СТД, 242, содержит в надписях на оборотной стороне очень существенное конкретное указание на то, каким образом 8 чиновников, перечисленных здесь, контролировали сведения, даваемые их товарищами — жрецом Ургишгигиром, заведующим хозяйством Ургишгигиром, надзирателем Башагом и Лугальгудэ. Я нахожу это указание в тех числах, которые были вписаны вместе с именами чиновников в каждый из прямоугольников оборотной стороны. В этих цифрах я вижу, как и в цифрах, сохранившихся на лицевой стороне таблетки, определение количества рабочей силы, использованной по уборке урожая полей местности Камари, Агештин и царского поля. При сопоставлении чисел лицевой и оборотной сторон бросается в глаза то обстоятельство, что цифры первой группы исчисляются сотнями, а цифры второй группы — лишь десятками. Так мы находим в левом верхнем углу лицевой стороны цифру „587“, а в соответствующем прямоугольнике оборотной стороны цифру „71“. Я полагаю, что подобное расхождение в числовых данных лицевой и оборотной сторон документа СТД, 242, объясняется весьма просто. Чиновники, заведывавшие вертикальными полосами полей, определяли использованную рабочую силу человекоднями, а чиновники, заведывавшие горизонтальными полосами полей, указывали на конкретное число работников, привлеченных к уборке урожая. Данное предположение находит свое подтверждение в применении делопроизводством больших хозяйств Сумера конца III тысячелетия двух резко отличающихся друг от друга видов документов, посвященных операциям с рабочей силой. Первый из двух типов документов отмечал, наряду с количеством гуруш или гим, и срок их работы, начиная с одного дня и дольше. Правда, документы, определявшие срок работы одним днем, указывали, как я это доказал уже в 1933 г., на число человекодней, а не на реальный срок работы привлеченных гуруш или гим. Несмотря на это, я включаю их в одну группу с документами, отмечавшими как количество гуруш или гим, так и реальный срок их работы, поскольку с точки зрения формальной все эти документы являются однородными. Для примера можно сопоставить следующие две таблетки, а именно Лутц II, 95 и ГДД, 192. Первая может служить образцом для документа, отмечающего реальный срок работы: „5 гуруш на 4 дня. Рабочая сила их 20 (гуруш) на 1 день. В Уммы баржу с рыбой бурлачить. От Даага Уреэ получил. 4-й год Гимильсина“. Плохо видна откатка печати Уреэ. Вторая таблетка (Лутц II, 95) может служить образцом документа, указывающего число человекодней: „65 гуруш на 1 день. У воды поставлены. Поле Шарагу-гал. Надзиратель Лушара. Печать Агугу. 6-й г. Гимильсина“. Мы видим, что оба документа близки друг к другу и формально и по существу, поскольку и таблетка ГДД, 192 может быть сведена к документу, отмечающему человекодни.¹ Большинство документов, отмечающих прямо или косвенно число человекодней, связано с гуруш работниками лишь одного надзирателя. Многие из этих документов датируются одним лишь именем года, без названия месяца, и никогда мы не найдем в них указания дня составления таблетки. Зато почти все таблетки, отмечавшие так или иначе человекодни, слажались печатью чиновника, получавшего от надзирателя в свое распоряжение требующуюся ему рабочую силу. Чиновниками, скреплявшими своей печатью документы о предоставлении человекодней

¹ К соотношению между формулами „столько-то работников на 1 день“ и „столько-то работников на столько-то дней“ я буду говорить ниже в следующем разделе, где я буду говорить об отражении „первичных документов“ в безличных сводках.

тем или другим надзирателем, были, как я полагаю, те 8 чиновников, которые были перечислены на оборотной стороне таблетки СТД, 242. Подобная мера, повидимому, требовалась для избежания каких-нибудь мошеннических проделок со стороны надзирателей отрядов работников. Она, несомненно, создавала условия весьма тщательного контроля. Последний же становился еще более действенным при применении в делопроизводстве второго вида документов, отличавшегося рядом существенных моментов от только что описанных текстов первого вида. Одной из особо специфических черт содержания документов второго вида является наличие в них формулы „иги-гар-аг“, означающей в буквальном переводе: „глаза положения произведение“. Ввиду специфичности этой формулы я предлагаю назвать такие тексты хозяйственной отчетности „иги-гар-аг“ — „документы“. В качестве образца их я приведу две весьма близкие по содержанию таблетки Хакм., 216 и 234:

Хакм., 216

14	гуруш надзиратель	Гутар
13 ^{1/2}	"	Рани
14	"	Лугальтуд
13	"	Ушму
9	"	Урамана
11	"	Башаг
6	"	Урмес
5	"	Луигишагшаг
иги-гар-аг корабля бурлачение из (по- ля) Акунбил. День 1 (может быть и „первый“), VI месяц Уммы. 46-й год Шульги.		

Хакм., 234

15	гуруш надзиратель	Башаг
8	"	Урмес
18	"	Рани
12	"	Ушму
4	"	Луигишагшаг
8	"	Урамана
13	"	Лугальтуд
15	" 1 больной, надзиратель	Гутар
иги-гар-аг 1 корабля бурлачение из Ниппура (?) (в) Кунка... День 1 (или „первый“) для приказа. VI месяц Уммы. 46-й год Шульги.		

Переведенные два текста Изъельского университета перечисляют одних и тех же надзирателей и датированы одним и тем же годом и месяцем. С ними следует сопоставить две таблетки Берлинского музея ГДД, 303 и 305, которые близки по содержанию и датированы тем же 46-м г. Шульги. В ГДД, 303 перечислены 6 отрядов гуруш с их надзирателями, и имена этих последних перечислены все в таблечках Хакм., 216 и 234. За формулой „иги-гар-аг“ следует „день 2“ (или „второй“). Месяцем составления текста назван V месяц Уммы. Работой являлось бурлачение, как и в двух вышеприведенных текстах. В таблетке ГДД, 305 работой объявлена нагрузка корабля. „День I“ (или „первый“) стоит непосредственно перед указанием VII месяца Уммы. Из 7 надзирателей, перечисленных здесь вместе со своими отрядами работников, кажется 6 поименованы в Хакм., 216, 234 и ГДД, 303. Среди 21 надзирателя, которых встречаем в таблетке Конт. II, № 49, вместе с их партиями работников и работниц, мы находим также 6 из надзирателей, поименованных в Хакм., 216 и 234, и в двух названных берлинских таблечках. Текст Конт. II, 49, датирован тем же 46-м г. Шульги. Документ был составлен в III месяце Уммы, а за „днем“ следует цифра „1“. Работой, над которой трудился 21 отряд работниц и работников, являлось „сглаживание (земли) рукой в пальмовой (роще)“, т. е. работа сельскохозяйственная. Я подчеркиваю сельскохозяйственный характер работы, отмеченный в „иги-гар-аг“ документа Конт. II, 49, чтобы не создалось впечатления об исключительной связи формулы „иги-гар-аг“ с текстами, посвященными работам по речному транспорту. Такое представление о связи формулы „иги-гар-аг“ лишь с документами, посвященными работам на баржах и с баржами, мы имеем, кажется, в исследовании одного финляндского ассириолога от 1942 г. (Салон,

стр. 4—5). Здесь формула „иги-гар-аг“ рассматривается как договор, который заключался заведующим речным транспортом с надзирателями партий работников. Для иллюстрации дается интерпретация таблетки ГДД, 303, согласно которой указание „день 2“, следующее здесь в тексте, как выше видели, непосредственно за формулой „иги-гар-аг“, понимается как срок, в течение которого работа, а именно бурлачение судна, должна быть произведена. С подобной интерпретацией таблетки ГДД, 303, нельзя согласиться. Противоречит ей тот факт, что за цифрой, определяющей день, следует не частица, переводимая нами „на“, „для“, а частица „кам“, указывающая чаще всего на порядковый характер числительного, но во всяком случае не соответствующее частице „на“, „для“. Кроме того, сопоставление двух манчестерских таблеток (Бед., 56 и 57) доказывает с несомненностью, что в текстах, „иги-гар-аг“ указание „день число-кам“ означает не число дней работы, а лишь название дня месяца. Дело в том, что указанные две таблетки посвящены трудовым операциям одной и той же партии работниц одного и того же надзирателя в один и тот же месяц одного и того же года. В одной таблетке отмечается „день 10“, а во второй таблетке „день 22“. Поэтому исключается возможность интерпретировать данные таблетки, как сделки заключения договора на выполнение работы в столько-то дней названного месяца. Следует видеть в отметке „день число“ и здесь, как и в других документах „иги-гар-аг“ датировку текста. Тем самым отпадает и интерпретация формулы „иги-гар-аг“ как заключение договора, и снова вступает в силу старый перевод формулы „произведение контроля“ (Конт. II, стр. 88). Контроль, очевидно, производился органами высшей администрации, и поэтому документы „иги-гар-аг“ не снабжались оттиском печати. Часто контроль производился над завершением работ, в которых принимали участие ряд партий работников или работниц. Иные из подобных комплексов партий работников продолжали существовать в течение некоторого времени, как это доказывается группами документов „контроля“ („иги-гар-аг“): ДДИ, 43 и 44 или Пюпиль, 27, ДДУ, 63 и 65 и ГДД, 274. Мы находим неоднократно примеры контроля одного или двух надзирателей (напр. ГДД, 458; Хакм., 220 и 252). Контролю подвергалась работа гуруш (напр. ГДД, 374; ДДТ, 275), пахарей (ДДТ, 275), носильщиков (Хакм., 249 и 250), ткачей (Хакм., 247), работниц-гим (ГДД, 183; Фиш, 634), наемных людей (напр. Лутц II, 30; Фиш, 621; Хакм., 235). Документы „иги-гар-аг“, т. е. „контроля“, команды работников (эрин), т. е. реального числа работников, хранились в архивах, наряду с документами „исчисления рабочей силы команды работников“, т. е. количества их человекодней (ср. буллу от 9-го г. Пурсина от корзины с документами „контроля команды работников (эринна)“ (К. Б., 169).

Подобным контролем проверялось не столько израсходование рабочей силы, сколько израсходование того количества зерна, которое требовалось для довольствия, прокорма работников, трудившихся непрерывно в царском и храмовом хозяйстве. Введение в бухгалтерскую практику III династии Ура понятия человекодня было, несомненно, обусловлено стремлением упростить расчеты по получению зернозого довольствия для работников, которые не обладали в глазах господствующего класса одинаково ценной рабочей силой. Писцы III династии Ура различали, наряду с целой единицей рабочей силы, еще $\frac{5}{6}$, $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$ и т. д. единицы рабочей силы. Гуруш, обладавшие производительностью в $\frac{5}{6}$, $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$ и т. д. рабочей силы получали и соответственно меньшее количество зерна. При столь большой

дробности единицы рабочей силы лишь понятие человекодня давало возможность быстро и точно установить нужное для надзирателя продовольствие. Применяя при исчислениях понятие человекодня, надзиратель отряда гуруш мог избежать тех неприятностей, которые грозили незадачливому египетскому писцу, если верить свидетельству известного папируса Анастаси, 1, 17, 5 сл. Сумерийский писец, как, например, вышеупомянутый Лугальгудэ, мог составить при этом условии вполне удовлетворительные отчеты, подводящие итог расхода рабочей силы или, говоря точнее, расхода зерна, необходимого для ее прокормления. Поэтому перечисление в отчете Лугальгудэ рабочей силы 24 пахарей, работавших 13 месяцев, на 9360 человекодней доказывало со всей очевидностью, что последние получали в течение всего указанного времени необходимые средства для своего личного воспроизводства. Тем самым теряет свою силу указание критики, „что в тексте (отчета Лугальгудэ) нет ни одного слова о довольствии этих пахарей“.

Введение понятия человекодня и тесно связанного с ним понятия о рабочей силе свидетельствует о больших достижениях бухгалтерского искусства Сумерийской эпохи, немыслимых и ненужных в условиях примитивного хозяйства, вырастающего на основе конгломерата сельских общин. С другой же стороны, счетоводные операции с обезличенными человекоднями, а не с конкретными работниками, открывали широкие возможности для различных злоупотреблений и мошенничеств. К сожалению, сумерийские писцы были способны на подобные дела, как об этом свидетельствует грандиозный отчет о расходовании корма скота в царском хозяйстве Лагаша, ставший предметом исследования Н. Шнейдера.¹ Поэтому был установлен перекрестный контроль для чиновников, заведующих полями; было предписано снабжать каждый первичный документ об операциях с рабочей силой отпечатком печати чиновника, получавшего от надзирателя некоторое количество человекодней. Стали применяться в целях проверочной записи особые документы „иги-гар-аг“, т. е. контроля, в которых не отмечалось количество человекодней, а реальное число работников, требовавшихся для той или другой работы.

Наконец, контроль находил свое окончательное завершение в поименных списках работников-гуруш и работников-гим. Образец такого поименного списка гуруш дошел до нас в виде большой фрагментированной таблетки ДДТ, 295, перечислявшей на 4 столбцах отряда гуруш 4 надзирателей. Наличие подобных списков в делопроизводстве царского хозяйства Уммы делало излишним для надзирателя, располагавшего, подобно Лугальгудэ, отрядом гуруш постоянного состава, поименный список своих работников в начале отчета. В тех же случаях, когда у надзирателя ежегодно менялся состав его отряда, мы имеем месячные ведомости получения зернового довольствия той или другой партией гуруш (напр.: Эрм., 7581, СТД, 264 или гуруш и СТА, 15 и 16 для гим). В тех учреждениях царского хозяйства, как в мельнице селения Сагдана около Лагаша, где состав работников постоянно сменялся, составлялись ежедневные ведомости получения довольствия, как это доказал Н. Шнейдер.²

Полагаю, что мне удалось в достаточной степени убедительно показать всю сложность и точность бухгалтерского расчета и контроля в большом царском и храмовом хозяйстве Сумера конца III тысячелетия до н. э. Точность расчета и контроля были необходимы в большом

¹ АфО, IV, стр. 206 сл.

² АфО, III, стр. 121—2.

хозяйстве, которое велось с помощью многих сотен людей, оторванных от средств производства, и поэтому получавших свое довольствие. В хозяйстве, непосредственные производители которого были общинники или крепостные крестьяне-барщинники, подобные расчеты и подобный контроль были бы неуместны. Поэтому я имею право утверждать, что и этот раздел моего исследования подкрепляет мое положение о рабовладельческом характере царского хозяйства Сумера III династии Ура.

VI

В моих исследованиях 1933 и 1934 гг. я утверждал, что те 1348 $\frac{1}{2}$ работников (гуруш) на 1 день и 628 $\frac{1}{3}$ носильщиков на 1 день, которые были предоставлены Лугальгуде 25 переименованными лицами, являются 1348 $\frac{1}{2}$ и 628 $\frac{1}{3}$ человекодней. Критика же утверждала, что это реальное число конкретных работников и что я моим утверждением „сделал тут грубейшую методологическую ошибку, оставив без внимания первичные документы и погнавшись за более или менее безличными сводками, которые, как хорошо известно, могут быть сплошь и рядом кривым и во всяком случае ненадежным зеркалом“. Может быть и в прошлом подобный упрек не был совсем справедливым. Я уже тогда указал, что в сводках мы находим те же имена чиновников, те же имена работников полей и т. д., что и в таблетках, посвященных единичным операциям с рабочей силой. Все эти данные с несомненностью нам доказывают, что сводки надзирателей рабочих партий, изданные Женуляком, не являются случайными документами, отображающими какое-нибудь неизвестное нам хозяйство, но, наоборот, входят в качестве неотъемлемой части в весь громадный комплекс десятков тысяч документов, дошедших до нас из хозяйственного архива г. Уммы. Изданные М. В. Никольским многочисленные таблетки, посвященные единичным операциям с рабочей силой, являются первичными документами по отношению к этим сводкам. Поэтому последние, изданные впервые Женуляком, и таблетки, фиксирующие единичные операции с рабочей силой, взаимно подкрепляют и пополняют друг друга.¹ Я мог столь решительно выступить с утверждением об организационной связи сводок надзирателя с первичными документами, поскольку я уже тогда располагал материалом, доказывающим со всей определенностью конкретный, а не обезличенный характер сводок. Действительно, я мог для каждой из трудовых операций, включенных в изучаемые мною сводки надзирателей, найти соответствующую и убедительную параллель среди первичных документов. Мне даже посчастливилось встретить среди таблесток Эрмитажного собрания текст (Эрм., 7465), посвященный редко упоминаемой трудовой операции, но включенной тем не менее в сводку Лугальгуде (ТЭО, 5675, V, 28, 25, 27, 41 и т. д.). Имя ее писалось знаком, фонетический эквивалент которого еще в 1935 г. не был установлен.² Женуляком был, наконец, издан (ТЭО, 6043) текст, посвященный пахоте и бороньбе, который был чрезвычайно близок, как он это сам заявил,³ соответствующему разделу отчета Лугальгуде (ТЭО, 5675, III, 7—V, 3). Все эти факты, казалось, говорили за то, что изучаемые мною отчеты надзирателей не являются „кривым и во всяком случае ненадежным зеркалом“. Правда, можно возразить, что все эти первичные

¹ Сб., стр. 500.

² Мисц. Ор., стр. 290 сл.

³ Баб., VIII, стр. 49.

документы, являющиеся параллелями к тому или другому разделу сводки Лугальгудэ или Урнинсу (ТЭО, 5675) не восходят к авторству названных чиновников. Допустимо предположение, скажут критики, что сводка Лугальгудэ (ТЭО, 5675) или сводка Урнинсу (ТЭО, 5676) все же не отражали адекватно содержание тех первичных документов, на основании которых они были составлены. Последнее возражение я мог ослабить уже тогда на основании документа (СТД, 210), изданного еще в 1919 г., но изученного мною лишь в самое последнее время. Это первичный документ от 4-го г. Гимильсина, составленный заведующим хозяйством (нубанда гуд) Урнинсу, автора сводки ТЭО, 5676 от 2-го г. Гимильсина. Таблетка СТД, 210 посвящена работам по бороньбе и пахоте, и содержание ее является прекрасной параллелью тому разделу сводки заведующего хозяйством (нубанда гуд) Урнинсу, в которой были включены указанные работы. Сопоставление, хотя бы частичное, обоих текстов докажет их близость друг другу.

СТД, 210

- I (1) 36 ган пахоты ¹
 (2) $3\frac{1}{4}$ ган, пахоты раза
 (3) 2 по 5 ган.
 (4) Рабочая сила команды (эринна) их —
 дней
 (5) $187\frac{1}{5}$
 (6) 103 ган бороньбы раза
 (7) 3 по 5 ган
 (8) Рабочая сила команды их дней 180 +
 (9) $14\frac{5}{12}$
 (10) 41 ган бороньбы
 (11) раза 2 по 5 ган
 (12) Рабочая сила команды их дней 60 +
 (13) $11\frac{1}{2}$ гуруш
 (14) Участок быков
 (15) 24 ган бороньбы раза
 (16) 2 по 5 ган
 (17) Рабочая сила команды их дней 20 +
 (18) $8\frac{2}{3}\frac{2}{15}$ гуруш
 (19) Кормление пахарей
 (20) Поле Гу-эдинна
 (21) 18 ган пахоты по $\frac{3}{4}$ ган
 (22) бороньбы раза
 (23) 2 по 5 ган.

СТД, 210, 1, 11

- (24) Рабочая сила команды их дней 90 +
 (25) $3\frac{1}{2}\frac{2}{15}$ гуруш ³
 (26) 36 ган бороньбы
 (27) раза 3 по 5 ган
 (28) Рабочая сила команды их дней 60 +
 (29) $4\frac{2}{3}\frac{2}{15}$ гуруш

ТЭО, 5676, IV, 2 сл.

- IV. (2) 36 пахоты (по) $\frac{3}{4}$
 (3) ган, бороньбы раза
 (4) 2 по $4\frac{1}{2}$ ган
 (5) Рабочая сила команды их дней
 180 +
 (6) 12
 (7) 18 ган пахоты (по) $\frac{3}{4}$ ган
 (8) бороньбы раза 2 по 5 ган
 (9) Рабочая сила команды их дней
 60 +
 (10) $33\frac{1}{2}\frac{1}{10}$
 (11) 66 ган бороньбы раза
 (12) 2 по 5 ган.
 (13) Рабочая сила их дней 79 +
 (14) $\frac{1}{5}$
 (15) $53\frac{3}{4}$ ган бороньбы
 (16) раза 3 по 5 ган
 (17) Рабочая сила их дней 60 +
 (18) $36\frac{2}{3}\frac{2}{15}^2$
 (19) Поле Гу-эдинна.
 (20) $10\frac{1}{4}$ ган бороньбы раза
 (21) 3 по 5 ган
 (22) Рабочая сила их дней
 (23) $18\frac{1}{3}\frac{7}{60}$
 (24) Поле Сигтурду и
 ТЭО, 5676, IV, 12 сл.
 (25) Гу-эдинна.
 (26) $21\frac{1}{4}$ ган пахоты
 (27) (по) $\frac{3}{4}$ ган, бороньбы раза 2
 (28) по 5 ган
 (29) Рабочая сила команды их дней
 60 +
 (30) $50\frac{1}{2}$

Следующие строки сводки Урнинсу (ТЭО, 5676) сильно разрушены, и я поэтому прекращаю дальнейшее сопоставление обоих документов, тем более, что и приведенные данные доказывают полное соответствие между сводкой надзирателя Урнинсу и между первичным документом,

¹ К терминологии и вычислениям см.: ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 212—13.

² Исчисление не в порядке.

³ Исчисление не в порядке.

им же самим составленным. На основании проведенного сопоставления содержания обоих названных документов приходится, казалось бы, полностью отвергнуть положение критики об обезличенном характере сводок надзирателей. Правда, упорный и настойчивый критик может попытаться ослабить силу и этого сопоставления указанием на то, что таблетка СТД, 210, как датированная 4-м г. Гимильсина, не могла быть использована заведующим хозяйством Урнинсу при составлении сводки ТЭО, 5676, датированной 2-м г. Гимильсина. Поэтому и первичный документ СТД, 210 и не сможет служить, по мнению такого настойчивого критика, средством для определения степени точности сводки в использовании ею первичных документов.

В настоящее время я могу полностью рассеять все сомнения критики в ценности сводок надзирателей как исторического источника, окончательно опровергнув положение об обезличенном характере этих документов. Дело в том, что я располагаю теперь первичными документами, которые нашли свое непосредственное отражение в сводках Лугальгудэ от 3-го г. Пурсина (Хакм., 272) и от 4-го г. Пурсина (ТЭО, 5675).

Первичный документ, использованный при составлении сводки Лугальгудэ от 3-го г. Пурсина, я нашел в том же издании американского сумеролога Хакмана, в котором была опубликована под № 272 только что названная сводка Лугальгудэ. Автор сам не определил все значение данного небольшого текста, опубликованного им под № 262 своего издания. Подобное упущение было обусловлено тем, что автор не установил, как мы выше видели, принадлежности большого документа № 272 надзирателю Лугальгудэ. Поэтому он и не пытался найти в тексте № 272 своего издания строки, соответствующие содержанию первичного документа № 262 от 3-го г. Гимильсина, посвященной трудовой операции, проводимой надзирателем Лугальгудэ. Определив Лугальгудэ, как составителя сводки № 272, можно без труда найти те строки его (VI, 17—22), в которых было скопировано содержание первичного документа № 262. Сопоставление обоих текстов решит, полагаю, окончательно вопрос о том, являются ли сводки „кривым и во всяком случае ненадежным зеркалом“ или же нет.

Хакм., 262

- { 1) 75 саров вскапывания (земли)
 - { 2) по 3 сара
 - { 3) Рабочая сила их дней 25.
 - { 4) Поле Тур.
 - { 5) 1500 ломания тростника саров
 - { 6) по 20 саров
 - { 7) Рабочая сила их, дней 75
 - { 9) Надзиратель Лугальгудэ
 - (10—11) 3 год Пурсина
- Оттиск печати писца Лугальемахэ сына
Лугальзагагга

Хакм., 272, VI, 17—22

- (17) 75 саров вскапывания (земли) по 3 сара
- (18) Рабочая сила их, дней 25.
- (19) 1500 саров ломания тростника по 20 саров
- (20) Рабочая сила их, дней 75.
- (21) Поле Ду-Шара
- (22) Печать Лугальемахэ.

Мы видим почти полное совпадение текста первичного документа и копии его в сводке. В одном пункте копия даже исправляет оригинал, написав (VI, 19) не „1500 ломания тростника саров“, „а 1500 саров ломания тростника“. Опушение „поля Тур“ в сводке было, очевидно, обусловлено тем, что оно являлось частью большого поля „Ду-Шара“. Опушение же сводкой, составленной надзирателем Лугальгудэ, имени Лугальгудэ вполне естественно. Столь же естественно и опушение в копиях первичных документов датировки последних, поскольку была она указана в конце всего

отчета. Мы можем, таким образом, на основании сопоставления первичного документа с его копией в сводке высказать положение, что составители сводок относились к своей задаче списывания первичных документов вполне добросовестно. Я имею тем большее право утверждать то, что Лугальгудэ отнесся к этой своей задаче добросовестно не только при составлении сводки от 3-го г. Пурсина, но и при составлении сводки от 4-го г. Пурсина (ТЭО, 5675). Я могу об этом судить на основании сопоставления двух копий, сделанных с одного и того же первичного документа Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина. Одна из этих копий была сделана им самим в сводке того же года Пурсина (ТЭО, 5675, IX, 11—17), а вторая была написана на булле КБ, 117, очевидно, чиновником Акалло, который решил в 5-м г. Пурсина почему-то сохранить данный первичный документ Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина в особой коробке, скрепленной указанной буллой. Возможно, что он подбирал материал о трудовой операции, зафиксированной в этом документе, составленном Лугальгудэ, а получить он мог документ от Лугальгудэ лишь в 5-м г. Пурсина, когда он для последнего потерял свою актуальность. Сопоставление двух вышеуказанных копий с одного и того же первичного документа будет столь же поучительно, как и сопоставление первичного документа с его копией в сводке.

ТЭО, 5675, IX 11—17

КБ, 117

- (11) $2\frac{2}{3}$ сара землекопной работы:
- (12) (для) свинарника поля Лальмах
- (13) насыпать (землю)
- (14) Рабочая сила их, дней 16.
- (15) 33 гуруш на 1 день •
- (16) носить тростник
- _____
- (17) Печать Акалла зав. хвзяйством (нубанда)
- _____

- (1) $2\frac{2}{3}$ сара землекопной работы:
- (2) (для) свинарника поля Лальмах
- (3) насыпать (землю).
- _____
- (4) 11 гуруш на 3 дня
- (5) носить тростник
- (6) Надзиратель Лугальгудэ
- (7) Чиновник анше Урлу
- (8) Печать Акалла
- (9—10) 5 год Пурсина
- Оттиск печати писца Акалла сына Урнигингара

Мы видим, что надпись на булле опустила число человекоднев на землекопных работах, но это было, очевидно, обусловлено тем, что дневной урок землекопа равнялся $\frac{1}{6}$ сара и, таким образом, можно было легко высчитать, что для $2\frac{2}{3}$ саров землекопной работы требовалось 16 человекоднев. Затем Лугальгудэ в своей сводке опустил свое имя по вполне понятной причине. Он опустил также и имя чиновника „анше“, поскольку чиновник „анше“ не упоминался и во многих первичных документах, посвященных операциям с рабочей силой. Чиновник Акалла, скрепивший своей печатью первичный документ, назван и в той и в другой копии. Поскольку Акалла, имя часто встречавшееся среди чиновничьего аппарата Уммы, а титул его „нубанда“ не упоминается в надписи буллы, следует для успокоения совести скептика указать, что на таблетке СТД, 282 чиновник Акалла назван „нубанда“ и вместе с тем оттиск его печати называется его сыном Урнигингара.

Следовательно, на основании сопоставления двух копий с одного из первичных документов Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина можно сказать со всей определенностью, что надзиратель Лугальгудэ и в своей сводке от 4-го г. Пурсина столь же тщательно выписывал из первичного документа существенные моменты его содержания, что и в сводке от 3-го г. Пурсина. Если он в сводке „11 гуруш на 3 дня“ первич-

ного документа перевел на человекодни „33 гуруш на 1 день“, то это понятно, поскольку целью сводки было установление числа затраченных надзирателем человекодней и, следовательно, соответствующего количества мер зерна для ежедневного довольствия. В связи с этим я должен со всей ответственностью указать, что мы и в первичных документах встречаем чаще обезличенную формулу „столько-то работников на 1 день“, нежели формулу „столько-то работников на столько-то дней“, т. е. обозначение реально о числа работников и реального числа дней их труда. Вместе с тем следует указать, что и в „обезличенных“ сводках отмечались при многодневной работе и число реальных работников и действительная длительность их труда. Так, в сводке Лугальгудэ (ТЭО, X, 37 сл.) мы читаем: „14 гуруш на 56 дней. Рабочая сила их 784 дня. Из Уммы в Ниппур (с) грузовым судном идущие, из Дабрум в Ниппур (с) грузовым судном идущие и (на) выгрузке пребывающие. Печать Урнумушда“. Сводка заведующего хозяйством Урнинсу сохранила также (столб. XI, 16 сл.) указание на отправление столько-то работников на столько-то дней: „5 гуруш на 35 дней. Рабочая сила их 175 дней. На выгрузку идущие, при выгрузке пребывающие и с выгрузки возвращающиеся. Чиновник-анше Урнунгал“. Сводки также упоминают о предоставлении того или другого своего работника на длительный срок другому чиновнику. Они имеют свои параллели и в первичных документах, как уже было сказано выше, а также в моем исследовании 1934 г.¹ Я указываю на это и сейчас, исходя из желания лишний раз подчеркнуть далеко не обезличенный характер сводок надзирателей. Кроме того, в связи с вопросом о работниках, предоставляемых на долгий срок какому-нибудь чиновнику или на какую-нибудь постороннюю работу, я имею возможность установить еще на одном примере точность копии первичного документа в одном из текстов, имеющем характер сводки. В таблетке Лутц I, 16 от 6-го г. Пурсина сообщается, что некий Урнинмугга сын Шарабазиги от 1 месяца Уммы 5-го г. Пурсина сдается в воины (?) -уку-уш (?). К документу прикладывает свою печать чиновник Рим. О включении в число воинов (?) названного лица сообщает сводка СТД, 282, собравшая в 6-м г. Гимильсина данные о подобных длительных передачах на ту или иную работу. В столбце III, 63 сл. таблетки мы читаем: „Урнинмугга воин (?) сын Шарабазиги. Рим включил“. Несомненно первичный документ Лутц I, 16 находит, таким образом, свое отражение в сводке СТД, 282.

Подводя итог тому, что удалось выявить о характере сводок надзирателей и в первую очередь сводок надзирателя Лугальгудэ, я имею право сказать, что данные документы являются ценными источниками, отражающими адекватно историческую действительность, а отнюдь не как „кривое и во всяком случае ненадежное зеркало“.

VII

Критика упрекала меня в чрезмерном доверии к „безличным“ с ее точки зрения сводкам в связи с интерпретацией, „1348 $\frac{1}{2}$ гуруш на 1 день“ и „628 $\frac{1}{3}$ носильщиков на 1 день“, передаваемых Лугальгудэ различными лицами как количество человекодней, а не как число реальных 1348 $\frac{1}{2}$ гуруш и 628 $\frac{1}{3}$ носильщиков, работавших 1 день. Поскольку я отвел в предшествующем разделе суждения, порочащие изучаемые мною

¹ ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 218—219.

сводки как исторический источник, я получаю право опираться на их свидетельство при решении вопроса о том, является ли правильной моя интерпретация или нет.

Действительно, если сводка надзирателя Лугальгудэ является ценным историческим источником, то мы должны считаться с тем фактом, что этот документ перевел на человекодни и работу 24 пахарей и их сыновей, трудившихся 13 месяцев, и работу наемных людей, зерновое жалованье которых было получено от заведующего закромами Арада. Учитывая данный факт, мы не можем избежать вывода, что „384 гуруш на 1 день от Идпаэ“ и т. д. является определением количества человекодней, а не определением числа реальных работников, трудившихся 1 день. Утверждение, что „384 гуруш на 1 день от Идпаэ“ сводки Лугальгудэ (ТЭО, 5675, I, 12—13) или „9¹/₂ гуруш на 1 день от Исарум“ сводки заведующего хозяйством Урнинсу (ТЭО, 5676, I, 38) означает получение Лугальгудэ или Урнинсу от Идпаэ или Исарума 384 или 9¹/₂ реальных работников на 1 день труда, противоречит всему контексту обоих документов. Оно противоречит также и тому обстоятельству, что среди тех чисел „работников на 1 день“, которые заполняли основную часть сводки, посвященную израсходованию рабочей силы, мы не встречаем ни число „384“ ни число „9¹/₂“ и вообще ни одно из чисел работников, предоставленных Лугальгудэ другими лицами. Следовательно, эти числа обозначали не количество людей реальных отрядов, предоставленных Лугальгудэ тем или другим лицом, а количество человекодней. Поэтому они и входили в качестве слагаемых в общую сумму человекодней — 11966⁵/₆, которой располагал в 4-м г. Пурсина надзиратель Лугальгудэ.

Критика, правда, указывала на то, что работники, трудившиеся у Лугальгудэ 13 месяцев, назывались будто бы только „пахарями“, или „командой“ (эрин), а люди, доставляемые Лугальгудэ разными лицами, назывались или „работниками — гуруш“, или „носильщиками“. Я полагаю, что данный терминологический аргумент, направленный против моей вышеприведенной интерпретации, покоится на сплошном недоразумении. Дело в том, что и в самой сводке Лугальгудэ мы не сможем установить указанного терминологического различия. Действительно, в итоговой сумме человекодней сводки Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина (ТЭО, 5675, 18—19) и человекодни пахарей и человекодни наемных людей названы наряду с человекоднями гуруш, предоставленными Лугальгудэ другими лицами, — человекоднями гуруш: „Всего 11966⁵/₆ гуруш на 1 день“. В этот итог не были включены лишь человекодни носильщиков, они перечислены особо: „Всего 628¹/₃ носильщиков на 1 день“. В сводке от 3-го г. Пурсина (Хакм., 272, I, 4) Лугальгудэ называет и вне итоговой суммы пахарей „гуруш“: „гуруш пахари при быках“. Не только в сводках, но и в первичном документе Лугальгудэ называл своих „пахарей“ „гуруш“, как в таблетке Эрм., 8032 от 2-го г. Пурсина: „Л. 10 гуруш пахарей и их сыновей, 26 гуруш при быках жатвы, 2 гуруш (следующих) за быками. 4Надзиратель Лугальгудэ. 5Контроль 8-й день, 6поле Камари. Об. 7Месяц II Уммы, 8(год), следующий за годом, когда Пурсин 9стал царем“. Название „пахарей“ и „(людей) при быках“, тесно связанных с ними общим термином „гуруш“, мы встречаем и в других первичных документах (напр. ДДТ, 276 и 210; Хакм, 241). Вообще же надо признать, что „гуруш“ являлся настолько общим термином, что им могли называться и „носильщики“. Так в сводке Урнинсу (ТЭО, 5676, I, 12) названы носильщики, которые затем вместе с „пахарями“ объединяются в итоговой сумме (ТЭО, 5674, II, 1—2 в „9108¹/₆ гуруш на 1 день“). В сводке

Лудани, надзирателя отряда носильщиков (ТЭО, 5674) последние в основной части документа названы „гуруш“. Можно привести еще примеры подобного широкого употребления термина „гуруш“: ДДУ, 85, ТЭО, 6036. Поэтому всякая попытка противопоставить, исходя из терминологических оснований, „гуруш“, передаваемых Лугальгуде со стороны, „пахарям“, работавшим у него 13 месяцев, обречена на неудачу. „Пахарями“ назывались даже чиновники, получавшие такое крупное зерновое довольствие, как 2700 кг ячменя в год, не считая других продуктов.¹ Эти же чиновники — „пахари“ передавали в закромы царского хозяйства громадные количества зерна, как, например, „пахарь“ Лушара, внесший около 65 т ячменя (СТД, 305, 1—2). „Пахари“ же сводки Лугальгуде были людьми, оторванными от средств производства, получавшими ежедневное довольствие примерно в размере 1 кг ячменя ежедневно. Такое же широкое употребление термина „пахаря“, земледельца“ мы находим и в древнеегипетском языке.² „Пахари“, непосредственные производители, входившие в состав отряда Лугальгуде, трудясь у него 13 месяцев, конечно, выполняли свою специальную работу, а именно обработку пахотной земли, а гуруш, предоставляемые в течение года Лугальгуде, использовались при уборке урожая, резании тростника и т. д. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и в характере выполняемых работ не было столь большой разницы между „пахарями“ и между работниками, предоставляемыми Лугальгуде со стороны. Действительно, согласно данным сводки последнего от 4-го г. Пурсина число человекодней „пахарей“ равнялось „9360“. Из них на уборку жатвы падало 1309 дней, на пахоту, бороньбу и посев — 3232 дня и на длительные работы, выполняемые, как указывает текст сводки, теми же „пахарями“ — 1365 дней. Таким образом, из 9360 дней „пахарей“ лишь 5906 дней требовали работы, специально выполняемые „пахарями“. Оставалось поэтому еще 3454 дня, которые „пахари“ могли посвятить тем прочим работам сельскохозяйственного года, которые выполнялись наемными людьми и работниками, предоставленными со стороны. При этом следует учесть, что число человекодней последних во всей их совокупности, — согласно данным сводки „2606 дней“, — было значительно меньше, нежели число человекодней „пахарей“, предоставленных тем же работам. Следовательно, удельный вес труда пахарей во всех сельскохозяйственных работах был весьма значительным и они тем самым выделялись среди прочих категорий непосредственных производителей царского хозяйства, в частности, и среди тех гуруш, которые были предоставлены Лугальгуде рядом лиц.

Лица, от которых Лугальгуде получал то или другое количество человекодней, не являлись ни землевладельцами, ни сановниками, ни старшинами общин, как это готова была предположить критика. Из 25 перечисленных лиц, которые предоставляли рабочую силу Лугальгуде, 24 были мной определены как чиновники, входившие в сложный аппарат огромного царского хозяйства. Ряд из них, как Иншагшаг, Лугальмумаг, Лугальмагурри (ГДД, 374), Аабба (Хакм., 231) и другие выступают как надзиратели рабочих отрядов, которые, следовательно, и могли предоставить Лугальгуде необходимые ему человекодни. В этом отношении является особенно ценным для нас свидетельство таблетки Хакм., 193, сообщающей о том, что „15 кувшинов по 10 сила от Баббаршиг'а Урадад,

¹ См. О. Ш., 1915, стр. 226 сл.

² См. ДЕА, 27, стр. 21.

надзиратель носильщиков, получил в V месяце Уммы 1-го г. Пурсина". Среди же лиц, предоставивших Лугальгуде человекодни носильщиков был перечислен (ТЭО, 5675, II, 8) и Урадад! В исследовании 1934 г.¹ я уже привел текст таблетки Ник., II, 159, иллюстрирующий способ, каким давались надзирателю, руководившему какими-нибудь работами, еще лишние человекодни его товарищами. Можно увеличить число подобных иллюстраций (напр. Лутц I, 6, или ГДД, 192). Здесь я приведу еще содержание одной таблетки, поскольку в ней упоминается в интересующем нас контексте имя одного из чиновников, предоставивших Лугальгуде некоторое количество человекодней, а именно Лугина (ТЭО, I, 29—30). О последнем таблетка Хакм., 88, сообщает следующее: „14 гуруш на 1 день от Лугина Лугальэбаншаг вставил, 38-й год царя Шульги“. Очевидно, подобно Лугальгуде, и чиновник Лугальэбаншаг получил известное количество человекодней.

Если мне удалось найти указания на то, что из 25 лиц, передававших Лугальгуде рабочую дополнительную силу, 24 являются чиновниками царского хозяйства, то из этого следует вывод, что те гуруш, которых они передавали, работали непрерывно в течение года в их отрядах, так же как и „пахари“ отряда Лугальгуде. Действительно, почему мы должны предположить, что человекодни, передаваемые, напр., надзирателем Иншагшагом (ТЭО, 5675, I, 31—32), должны быть иначе интерпретированы, нежели то число человекодней гуруш, записанное тем же Иншагшагом в составленный им первичный документ Хакм., 228: „180 гуруш на 1 день у устья канала Куннагар поставлены. Надзиратель Иншагшаг. Печать Уршара архивиста. VI месяц Уммы 3-го года Пурсина“. Коль скоро 180 человекодней гуруш надзирателя Иншагшаг табл. Хакм., 228 имело отношение к его партии 3-го г. Пурсина непрерывно трудившихся работников, то такое же отношение имеют и человекодни гуруш, переданных в 4-м г. Пурсина Лугальгуде Иншагшагом, к отряду гуруш последнего, работавших у него в 4-й г. Пурсина. Для выполнения работ, порученных надзирателю Лугальгуде, требовались ему еще дополнительные человекодни и их ему предоставил Иншагшаг. После выполнения работ гуруш Иншагшага снова вернулись в свой отряд. Подобная передача своих человекодней другим надзирателям практиковалась не только между надзирателями партий гуруш, но и между надзирателями отрядов гим. Так в сводке надзирателя отряда гим ДДУ, 250 (№ 19 списка) мы узнаем, что составителю сводки было передано тремя другими надзирателями еще 821 человекодень гим. Ни у кого из специалистов, конечно, не возникает сомнения в том, что гим, предоставленные на время надзирателю сводки ДДУ, 250 его товарищами, действительно, бесперывно работали в течение остального времени года в своих отрядах. В таком случае не должно возникнуть сомнений и в том, что гуруш, временно предоставленные Лугальгуде другими надзирателями, работали непрерывно у последних и до передачи их Лугальгуде и после возвращения их из его отряда. Подобная передача дополнительных человекодней обычно не нарушала нормальной жизни и работы отрядов гуруш и гим. Передача дополнительных человекодней Лугальгуде в 4-м г. Пурсина 25 другими надзирателями является, несомненно, исключением. Сам Лугальгуде в предшествующем, 3-м г. Пурсина, получил лишь некоторое количество человекодней носильщиков от надзирателя Шешкалла сына Дада (Хакм., 272, I, 21—23). Надзирателю Урнинсу во 2-м г. Гимильсина были предо-

¹ ПИДО, № 27—8, стр. 220.

ставлены одним лишь надзирателем Исарумом дополнительные 9¹/₂ человекоднев. Надзиратель Исарум передал двух своих работников в том же 2-м г. Гимильсина на 4 месяца в храм бога Шары (СТД, 178). Надзиратель отряда носильщиков Лудани не получал в 3-м г. Пурсина ни одного дополнительного человекодня (ТЭО, 5674). В таком же положении находился и надзиратель ремесленной мастерской Агу в 4-м г. Гимильсина, согласно его сводке ТЭО, 6036 (№ 9 списка). Ограничивались рабочей силой своих отрядов гим составители сводок гим №№ 13, 14, 15 списка. Поэтому нам ни в коем случае не следует себе представлять, чтобы все многочисленные отряды гуруш или гим, а таковых было, судя по известным нам именам надзирателей, около семидесяти, перебрасывали свой состав работников непрерывно в течение отчетного года несколько десятков раз от одного надзирателя к другому. Надзиратель отряда гуруш или гим предоставлял раз или два некоторое количество человекодней тому или иному своему товарищу. Остальная часть человекоднев своих гуруш или гим была необходима ему самому для выполнения порученных ему работ.

Я заканчиваю исследование о положении гуруш или гим на основании как сводок надзирателей, так и первичных документов, не только составленных самими надзирателями, но и чиновниками контроля (иги-гар). Мне удалось доказать на основании всего вышесказанного, что как гуруш, так и гим работали непрерывно в царском хозяйстве и получали свое постоянное довольствие. Они отрывались от своих отрядов или в случае болезни или для общественных работ, выходящих за пределы того сектора царского хозяйства, в котором они трудились. Из этого с несомненностью следует, что все они были оторваны от средств производства. Число этих непрерывно работающих в царском хозяйстве непосредственных производителей было не малым. Надо полагать, что при наличии 60—70 отдельных отрядов число их достигало 2000—3000 человек. В небольшой таблетке из Уммы (ДДТ, 358) мы находим упоминание о 1143 гуруш и 876 гим. Гуруш, будучи оторванными от средств производства, вместе с тем отличались от наемных людей. Поэтому я считаю себя вправе и теперь, как и раньше, определить „гуруш“ рабами, не отличавшимися от своих женских товарищей „гим“, которые всеми специалистами безоговорочно признаются рабынями.

VIII

Правда, мое положение о наличии среди непосредственных производителей царского хозяйства „людей наемных“, так называемых „лу хунга“, или „гуруш хунга“, т. е. „гуруш наемных“, было критикой поставлено под сомнение. Критика указывала на то, что не было якобы принципиального отличия между довольствием постоянных работников и заработной платой наемных людей, и поэтому высказала положение, что „наемные люди“ тождественны с „гуруш“, постоянно работавшими в царском хозяйстве. Отрицание критикой отличия между довольствием постоянных работников и заработной платой наемников было обусловлено неправильной интерпретацией Женульяком вводной части автографированных им сводок Лугалбгудэ (ТЭО, 5675) и Урнинсу (ТЭО, 5687). На основании интерпретации вводной части названных документов в моих исследованиях 1933 и 1934 гг., я и высказал положение, что норма довольствия работника, занятого полный день, в 2 меры (сила) ячменя, т. е. около 1 кг, была твердо установлена, и поэтому она и в сводках, и в других хозяй-

ственных документах не упоминалась. Что же касается зарплаты наемных людей, которая превышала довольствие раза в $2\frac{1}{2}$, 3, 4 и больше, т. е. в сильнейшей степени варьировала, то ее приходилось в каждом отдельном случае устанавливать особо. Критика же, очевидно, опираясь на интерпретацию Жenuльяка, утверждала, что постоянно работавшие гуруш получали по 6 и 7 мер (сила) зерна, а наемные работники — по 8 мер, со ссылкой на Ник. II, 207, 208 и др. Действительно, мы находим в кратком резюме сводки Лугальгудэ Жenuльяком¹ сведения, подтверждающие утверждения критики. Согласно Жenuльяку ТЭО, 5675 содержит „расчет подневной работы: 1) приготовление ячменя (по 6—7 мер в день и на человека); 2) работники калъ (читаемые сейчас „гуруш“) и уг-иль (носильщики), нанятые различными лицами, работа по уборке урожая; 3) работы по пахоте, бороньбе и севу и т. д. (следует перечисление других работ, названных в отчете Лугальгудэ)“. Из данного резюме Жenuльяка критика, надо полагать, и сделала вывод, что „гуруш“ получали в день по 6 и 7 мер зерна. Их вывод подкреплялся, казалось бы, и резюме, данным Жenuльяком для сводки Урнинсу, ТЭО, 5676 (Баб., VIII 45): „Расчет подневной работы, уг-иль (носильщики), взятых на работу по тарифу в 6 мер (сила), наемники, оплачиваемые заведующим закроом: деталь аналогичная № 5675... следует перечисление работ, названных в сводке“. К сожалению, резюме Жenuльяка, данного им для вводной части 2 названных документов, не является точным. Правда, сводка Лугальгудэ (ТЭО, 5675) была мной полностью переведена еще в 1934 г., но этот перевод был по каким-то причинам критикой оставлен без какого-либо внимания. Мне приходится поэтому снова напомнить подлинное содержание начала отчета Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина:

- Столб. 1. (1) 24 пахаря (2) на 13 месяцев.
 (3) С I месяца (4) Уммы до прибавочного месяца (т. е. до XIII).
 (5) Рабочая сила на 9360 дней (т. е. $24 \times 13 \times 30$).
 (6) 5 гур 159 сила ячменя (т. е. 5 гур = 1500 сила + 159 сила = 1659 сила).
 (7) Рабочая сила (оценивается) по 7 сила.
 (8) Рабочая сила их (равняется) 237 дням ($1659 : 7 = 237$).
 (9) 7 гур 258 сила (т. е. 2358 сила).
 (10) Рабочая сила (оценивается) по 6 сила.
 (11) Рабочая сила их (равняется) 398 дням ($2358 : 6 = 393$).
 (12) Рабочая сила наемных людей.
 (13) (Получена) от Арада.

Затем следует список 25 надзирателей, предоставивших Лугальгудэ то или другое количество человекоднев. Мы видим, следовательно, что среди той рабочей силы, которой располагал Лугальгудэ, имелись три категории: 1) 9360 человекоднев 24 пахарей, работавших 390 дней, 2) 237 человекоднев наемных людей по 7 сила и 393 человекодня наемных людей по 6 сила и 3) $1348\frac{1}{2}$ человекоднев гуруш и $628\frac{1}{2}$ носильщиков, предоставляемых Лугальгудэ постепенно в течение года рядом надзирателей. Из этих 3 категорий работников только одни наемные люди получали зерно, количество которого было специально оговорено в документе; одни из них получали 7 мер, а другие лишь 6 мер. В переводе на наши меры 7 сила равняется около $4\frac{1}{5}$ кг, а 6 сила — около $3\frac{3}{5}$ кг. Столь крупная выдача зерна в качестве ежедневного довольствия рядовому гуруш, работавшему непрерывно в царском и храмовом хозяйстве, была бы, конечно, немыслимой. Она понятна как зарплата наемному человеку, который использует ее как для себя, так и для содержания своей семьи.

¹ Баб., VIII, стр. 44.

О том ежедневном довольствии или прокорме, который получал каждый постоянно работавший гуруш, т. е. раб, не надо было говорить в отчете Лугальгудэ, ибо оно было, как я уже говорил, твердо установлено: 2 сила в день, т. е. около 1 кг ячменя. Наемные люди, как об этом свидетельствует Ник. II, 100, получали в дни своей работы те же харчи, что и постоянные работники. Это ежедневное довольствие работников, трудившихся в царском хозяйстве, будь они рабы или наемные люди, выдавалось из закромов по тем обычным ведомостям с поименными списками, о которых я говорил выше. Выплата же зарплаты наемным людям производилась согласно специальной ведомости, выдаваемой заведующим закромом (ка-гур). Дело в том, что указание сводки Лугальгудэ „рабочая сила наемных людей (получена) от Арада“ (1, 12—13) не следует понимать таким образом, что чиновник Арад был надзирателем 2 отрядов наемных людей, которые он предоставлял Лугальгудэ. Арад не был простым надзирателем, а крупным сановником, заведующим закромом, как об этом свидетельствуют таблички СТД, 15, 5, ТЭО, 5672, V, 18 и др. Заведующий закромом Арад выдавал Лугальгудэ не самих наемных людей, а то количество ячменя, которое им следовало получить при определении их подневной платы в 6 и в 7 сила. В исследовании „К семантике жалованья“ мне удалось установить, что зарплата наемных людей могла равняться 5, 6, 7, 8, 10 и 13 сила ячменя в день. В последнее время я нашел даже свидетельство о выплате наемным людям даже 15 сила в день (Лугу 1, 44). Поскольку отрядам наемных людей платили по особым ведомостям, то и в архивах дела их хранились в особых корзинках, как об этом свидетельствуют КБ, 116, 128 и 162. В сводках надзирателей указывались в основной части документа те работы, которые выполнялись наемными людьми, например в сводке Лугальгудэ ТЭО, 5675, VII, 42 и VIII, 22. Здесь работы батраков не имеют ничего общего с пригововлением ячменя, как это утверждал Жёнульяк в своем резюме отчета Лугальгудэ.

Жёнульяк столь же неточен и в своем резюме сводки заведующего хозяйством Урнинсу (ТЭО, 5676). Пожалуй его резюме данного документа может еще более дезориентировать историка-неспециалиста, в области истории древнего Востока, изжеле его резюме отчета Лугальгудэ: Действительно, в введении к ТЭО, 5676, мы не находим указания на то, что „носильщики“ являлись наемными людьми с подневной платой в 6 мер зерна. Адекватный перевод введения названного документа гласит следующим образом:

Столб. 1 (1) $85\frac{1}{3}$ гуруш на 1 день, (2) остаток первого года Гимильсина.

(3) 20 пахарей и их сыновей....

Следует поименный список. Среди них несколько носильщиков.

(18) На 12 месяцев (18) Рабочая сила их 7200 дней (т. е. 20×360).

(20) С I месяца Уммы до XI месяца Уммы.

(21) 36 гур 80 сила ячменя (т. е. 10330 сила).

(22) Рабочая сила их (оценивается) по 6 сила.

(23) Рабочая сила их $1813\frac{1}{3}$ дней (т. е. $10830 : 6$).

(24) Рабочая сила наемных людей (25) поля

(25) (получена) от заведующего закромом.

(27) $9\frac{1}{2}$ гуруш на 1 день (28) от Исарума.

Общая сумма человекоднев, которой располагал Урнинсу — $9108\frac{1}{6}$ человекоднев (II, 1—2), — складывалась из 4 вышеприведенных слагаемых — $85\frac{1}{3}$, 7200, $1813\frac{1}{3}$ и $9\frac{1}{2}$.

Из моей интерпретации текста явствует, что не носильщики, а наемные люди получали в день 6 сила ячменя, и в отчете Урнинсу, таким

образом, наемные люди выделялись, как и в отчете Лугальгудэ, среди прочих категорий рабочей силы надзирателя. В основной части отчета Урнинсу также отмечаются работы, выполняемые наемными людьми (IX, 12). Особенностью работ, выполняемых наемными людьми, было то, что они всегда связаны с уроком. Об этом свидетельствуют как сводки надзирателей, так и многочисленные первичные документы.

Все приведенные мною данные доказывают со всей определенностью, что безоговорочное отождествление наемных людей с теми гуруш, которые работали постоянно в царском хозяйстве, недопустимо. Их сближает лишь то, что все они — как наемные люди, так и гуруш и носильщики, постоянные работники хозяйства, — являются непосредственными производителями, жестоко эксплуатируемыми господствующим классом. С другой же стороны получение наемными людьми, наряду с довольствием, еще и заработной платы и все вытекающие из этого факта последствия, резко выделяет наемных людей среди прочих категорий непосредственных производителей. Еще одно отличие наемных людей от прочего трудящегося люда царского и храмового хозяйства — династии Ура приводит к последнему вопросу настоящего исследования — к вопросу о социальной структуре позднесумерийского общества.

IX

Наряду с получением зарплаты „людей наемных“ („лу-хунга“) отличается от постоянных работников царского хозяйства тот факт, что эти „люди наемные“ являются исключительно мужчинами и притом мужчинами взрослыми. Нет среди них „женщин наемных“ или „гим наемных“; мы не встречаем также и подростков. Среди постоянных же работников царского и храмового хозяйства мы имеем и мужчин и женщин и подростков. Отряды гуруш и гим работают вместе, согласно Конт. II, 49 (Умма), или КБ, VII № 18424 (Лагаш), или Барт. III, табл. 113 (Лагаш). В таблетке ДДТ, 285, перечисляются гуруш, гим и подростки. При желании можно привести еще ряд подобных свидетельств. В особенности характерным и показательным является таблетка УДТ, 1, в которой „гуруш“, „мальчик“, „гим“ и „девочка“ перечисляются, как понятия, тесно связанные между собой. Если же в эпоху III династии Ура нанимались одни лишь взрослые мужчины, то невольно возникает догадка, что эти лица, нанимаемые царским хозяйством, имеют какое-нибудь свое хозяйство, но столь небольшое, что его могли обслуживать их члены семейства — жена и дети. Эта догадка находит свое подтверждение в наличии среди землевладельцев Уммы многочисленных лиц, располагавших мельчайшими земельными наделами, размером в $\frac{1}{3}$ га, т. е. в 1 ган. Мы обладаем списками подобных землевладельцев в таблетках СТД, 211, ГДД, 324, 382 и 483. Вместе с ними перечисляются их сыновья и члены семьи, называвшиеся „шеш табба“ „брат-близнец“, „брат-спаренный“ (напр., ГДД, 324, 35, 56, 61, 78, 82, 92, 100). Перед именем лица, являвшегося „шеш табба“, ставился горизонтальный клин. Велись дело-производством хозяйства Уммы и такие списки, в которых перечислялись одни лишь эти землевладельцы без их детей и без их „шеш табба“. Таковым списком является таблетка Хакм., 8, от 8-го г. Пурсина. Правда, это удалось установить лишь после сопоставления данной таблетки из Иэльского университета с таблеткой Берлинского музея ГДД, 382 от того же 8-го г. Пурсина. Последняя является большим документом, в котором перечисляются поименно около сорока лиц, владеющих 1 ганом

(т. е. около $\frac{1}{3}$ га). В связи с ними перечисляются их сыновья и „роща“ („тир“), имеющая каждая свое собственное имя. Эти лица названы и „носильщиками“ (строка 136) и „людьми рощи“ (строки 141—142). Документ Хакм., 8, является значительно меньшим по объему, ибо в нем перечисляются поименно одни лишь землевладельцы, без их сыновей и „рощи“. Почти все имена Хакм., 8, встречаем и в таблетке ГДД, 382. Не только своей величиной, но и своим назначением отличаются эти 2 генетически тесно связанные между собой документы. Таблетка ГДД, 382 составлена для выдачи перечисленным лицам шерсти, одежды и зернового довольствия (75 сила в месяц), а из этого следует, что хозяйство этих мелких землевладельцев велось коллективно. Таблетка же Хакм., 8, была составлена для определения той суммы зерна, которая следовала царскому хозяйству с этих мелких землевладельцев: „всего 16 гур зерна от людей рощи“ (строки 40—41). Каждый из них платил 150 сила в год.

Я и полагаю, что эти мелкие землевладельцы, обладавшие по существу лишь усадьбыным участком, который приносил за вычетом налогов лишь 75 сила (около 35 кг зерна в месяц), должны были подкармливать себя и семью заработком наемных людей. В особенности же в тяжелом положении находились в семьях этих мельчайших землевладельцев младшие братья владельца надела. Это и были, очевидно, те „братья-близнецы“, „братья спаренные“ (шаш табба), о которых я говорил выше. Они играли в хозяйстве брата роль батрака, как младший брат в египетском эпосе-сказке о 2 братьях. Если же у брата были уже сыновья-подростки, то тогда оставался младшему брату при ограниченности земельных фондов южного Междуречья один лишь путь, а именно вступление в ряды рабов царского хозяйства. Мы находим в документах среди постоянных работников царского хозяйства людей, называемых „шеш табба“ (напр. ДДИ, 85, Хакм., 222). Вероятно „братьями-близнецами“, „шеш табба“ являются те „носильщики“, перед которыми стоит как определитель горизонтальной клин (Хакм., 226 и 243).

На основании всего вышеизложенного мы можем спределить состав эксплуатированного класса позднесумерийского общества. Он состоял из рабов, в число которых входили мужчины, женщины и дети. Рекрутировался он из военнопленных, купленных за границей, должников и, наконец, младших сыновей владельцев мелких и мельчайших наделов. Наряду с рабами, эксплуатировались в царском и храмовом хозяйстве еще наемные люди, которые рекрутировались из среды свободных людей, обладавших лишь усадьбыными участками и вынужденных поэтому в наемном труде искать себе приработок.

В заключение привожу текст, который дает представление об имущественном положении господствующего класса и той средней прослойки между господствующим классом и рабами и батраками-воинами, которые были не только воинами, но и непосредственными производителями. Я имею в виду таблетку КТ, IX, табл. 47 в (№ 20015) из Лагаша, которая сообщает нам размеры земельных наделов на территории Лагаша, начиная от надела верховного жреца и кончая наделом воина низшего разряда. Мы читаем здесь:

- (1) 108 ган (ок. 36 га) Ёрхоенный жрец
- (2) 54 „ (ок. 18 „) жрец — помощник первого
- (3) 4 заведующих хозяйством (Нубанда гуд) по 45 ган (ок. 15 га).
- (4) 9 ган (ок. 3 га) Набашаг чиновник-марса
- (5) 60 „ (ок. 20 „) Лудутга оруженосец
- (6) 15 заведующих полями (энгаров) по 12 ган (ок. 4 га)
- (7) Поле (в) 180 ган (т. е. $15 \times 12 = 180$ ган, ок. 60 га).

- (8) 150 команды (эрин) по $4\frac{1}{2}$ ган (ок. $1\frac{1}{2}$ га).
 (9) 144 " (эрин) по $2\frac{1}{2}$ ган (ок. $\frac{5}{6}$ га).
 (10) Поле (в) 103 $\frac{1}{2}$ ган (ок. 346 $\frac{1}{3}$ га).
 (11) 12 ган (ок. 4 га) место Гу.
 (12) (Всего) 4163 ган (ок. 1387 $\frac{2}{3}$ га).
 (13) Поле Ду-ми.

Список с перечислением имен землевладельцев и поэтому значительно больший, но, к сожалению, сильно фрагментированный, дошел до нас из Уммы в виде таблетки ДДТ, 374. Дальнейшие изыскания среди материалов Уммы, Лагаша и Дрехема, конечно, уточнят наши знания о распределении земельных фондов в позднесумерийском обществе. Для предварительного решения этого вопроса будет достаточно и данный материал.

Я надеюсь, что этим исследованием, которое целиком поκειται на первоисточниках и почти не находило помощи в предшествующей специальной литературе, мною доказано, что архивы хозяйственных документов Уммы и Лагаша эпохи III династии Ура действительно могут предоставить историку ценные данные об организации труда и социальной структуре позднесумерийского общества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- АфО. — Archiv für Orientforschung.
 Баб. — Babyloniaca.
 Барт. — G. K. Barton. Haverford Library Collection of cuneiform tablets, Part 11. [1918].
 ББ — A. Ungnad. Babylonische Briefe. Vorderas. Bibl., VI, 1914.
 Бед. — R. Bedale. Sumerian tablets from Umma. 1915.
 ГДД — N. Schneider. Geschäftskunden aus Drehem u. Djoha. 1930.
 Губер — E. Huber. Personennamen in den Keilschrifturkunden aus der Zeit der Könige von Ur u. Isin. 1937.
 ВДИ — Вестник Древней Истории.
 Венгл. — Wengler. 41 (Orientalia, 2, 1930, стр. 63).
 ДДТ — N. Schneider. Die Drehem-u. Djohatexte im Kloster Montserrat. [Barcelona] 1932.
 ДДУ — N. Schneider. Die Drehem-u. Djoha-Urkunden der Strassburger Universitäts- u. Landesbibliothek. 1931.
 ДЕА — Journal of Egyptian Archaeology.
 ИТТ — Inventaire des tablettes de l'alloh conservées au musée imperial Ottoman t. V. [1921].
 КБ — Cl. E. Keiser. Cuneiform Bullae of the third Millenium B. C. 1914.
 Конт. I — G. Contenau. Contribution à l'histoire économique d'Umma. 1915.
 Конт. II — G. Contenau. Umma sous la dynastie d'Ur. 1916.
 КТ — Cuneiform texts from babylonian tablets in the British Museum.
 Лутц I и II — H. F. Lutz. Sumerian Temple Records of the late Ur Dynasty t. I, II (University of California Publications in Semitic Philologie. Vol. 9, 2, 1928).
 Мисц. Ор. — Miscellanea Orientalia (Analecta Orientalia, т. 12, 1935).
 О. Ш. — Orientalische Studien (Mitteil. d. Vorderas. Ges. 21 Jahrg., 1916)
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
 Пешиль — H. de Genouillac. Choix de textes économiques de la collection Pupil. Babyloniaca, VIII, стр. 38, табл. V.
 СТА — Edw. Chiera. Selected Temple Accounts from Telloh, Iokha a. Drehem. 1921.
 СТАД — Cl. E. Keiser. Selected Temple Documents of the Ur Dynasty. 1919.
 ТЭО — H. de Genouillac. Textes économiques d'Oumma. 1922.
 УДТ — J. B. Nies. Ur Dynasty Tablets. 1919.
 Фиш. — T. Fish. Catalogue of sumerian tablets in the John Rylands Library. 1932.
 Хакм. — G. G. Hackman. Temple Documents of the third Dynasty of Ur from Umma. 1937.
 Шнейдер — N. Schneider. Das Drehem-u. Djoha — Archiv, 4 Heft: Das Beamten- u. Arbeitspersonal (Orientalia, 23 u. 24, 1927).
 Салон — A. Salonen. Noutica Babyloniaca (Studia Orientalia Societas. Orientalis Fennica, XI, 1).